

СЕРГЕЙ БАСОВ

18+

17 ОТДЕЛЬНАЯ
БРИГАДА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

17-Я БРИГАДА

ИЛИ

БОЕВЫЕ ПЛОВЦЫ КЧФ СССР

★ ТОМ 1 ★

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Басов Сергей

**17-я бригада или боевые
пловцы КЧФ СССР**

«Автор»

2026

Сергей Б.

17-я бригада или боевые пловцы КЧФ СССР / Б. Сергей —
«Автор», 2026

Кто они — боевые пловцы? Из какого сплава сделаны люди, способные выдерживать боль, усталость, страх и идти вперёд? Рождаются ли они особенными? Или это самые обычные парни, которым судьба однажды указала путь через суровое море, жестокие испытания и жизнь по законам, понятным только им? Элитное подразделение морского спецназа встречает новичков без жалости. Здесь не имеет значения, кем ты был вчера: отличником, спортсменом, мечтателем или обычным парнем с соседнего двора. Здесь каждый день проверяют только одно — кто ты есть на самом деле. Среди дружбы и предательства, боли и смеха, унижений и первых побед рождается нечто большее, чем просто военная служба. Здесь меняются люди. Здесь ломаются характеры. Здесь вчерашние мальчишки постепенно становятся мужчинами. Но главный вопрос останется открытым: боевые пловцы — это особенные люди, отобранные природой, или простые люди, которые делают себя особенными сами? Ответ на этот вопрос может дать только один человек. Ты, уважаемый читатель.

© Сергей Б., 2026

© Автор, 2026

Басов Сергей

17-я бригада или боевые пловцы КЧФ СССР

17-я бригада или боевые пловцы КЧФ СССР

Посвящается моим одногодкам — Вовке Галимову и Андрюхе Боушу, отдавшим жизнь в борьбе за освобождение своей родной Украины от нацистской нечисти. А также всем ветеранам славной 17 отдельной бригады специального назначения разведки Черноморского флота.

Том 1

Высокосветский конфуз

Однажды императрица Екатерина была приглашена на русский флагман для демонстрации ходовых качеств корабля, слаженной работы экипажа и произведения учебных стрельб. В преддверии столь высокочтимого визита адмирал Василий Чичагов выстроил всю команду на верхней палубе и под угрозой самых страшных кар строго-настрого наказал: во время нахождения императрицы на корабле не использовать в разговоре мат. Вся команда клятвенно пообещала выполнить это указание и не ругаться в присутствии царицы. На том дружно и порешили.

Флагманский корабль, красавец «Ростислав», прекрасным летним утром отчаливает от пристани в Выборге. Императрица — на капитанском мостике в сопровождении придворной свиты, здесь же адмирал Чичагов. Моряки одеты в самую лучшую робу, корабль блестит и сияет, команда действует как единый живой организм. Матросы, как мотыльки, взмывают на мачты, корабль, как по мановению волшебной палочки, мигг покрывается белыми парусами, похожими на прекрасные облака. Всё хорошо, и, что более всего радует адмирала, — за всё время установки парусов ни один член экипажа не проронил ни слова. Как будто и не нужны были какие-либо команды, кроме свистка палубного боцмана.

И надо же было такому случиться, что на грот-брамселе у палубного матроса Ивана Спиридонова не сразу отдался крепёжный кончик паруса, в связи с чем премного огорчившийся, выдавший виды моряк вынужден был придать некоторое ускорение неподдающемуся концу (в простонародье — канату, верёвке) путём крепкого русского словца.

— Три хуя тебе в сраку, разъёба ебучая, давай отпускайся быстрее, а то перед императрицей обосрёмся, — тихо пробубнил себе под нос матрос Спиридонов.

После чего кончик, испугавшись возможных последствий, быстро освободился, а парус гордо наполнился попутным ветром.

Всё бы хорошо, но несколькими метрами ниже, на грот-марселе, находился старший матрос Пётр Кузнецов, который, обладая хорошим военно-морским слухом, учуял крамольные речи своего подчинённого. Кровь младшего командира немедленно вскипела, вследствие чего мозг перешёл в авральный режим жизнедеятельности со всеми вытекающими последствиями, включая способ донесения информации до подчинённых.

— Размори меня семипиздная сирена, ты что же творишь — каракатица отъёбанная, иль не слышал, что матом ругаться нельзя! — строго обратился Кузнецов к Спиридонову.

К тому же, чувствуя свою правоту, старший матрос не пытался говорить тихо, а, как подобает исправному служаке, желающему дослужиться до должности боцмана, уже использовал значимый потенциал своего горла.

Быть может, и не стало бы заметно это незначительное происшествие на палубе, тем более на мостике, где стояла царствующая особа со свитой, но на беду матросов именно в этот момент под мачтой проходил своей степенной походкой боцман Ерофей Куцый, славившийся своим крутым нравом и запредельной неприязнью ко всему, что нарушало установленный порядок на корабле — его корабле. Ибо Куцый настолько сросся со своим детищем, что не желал думать

о другой жизни, кроме как на его любимом «Ростиславе», а сама мысль о твёрдой земле вселяла в него панику и уныние. Хорошо расслышав такую неслыханную дерзость, доносившуюся с мачты, боцман на мгновение остолбенел: волосы на его просоленной груди встали дыбом, мышцы оцепенели в спазме, из-за чего свисток выпал из его рта. К счастью, закалка старого морского волка сыграла свою положительную роль, и Куцый быстро пришёл в себя.

— Мать твою эти раз по девяти бабку в спину деда в плешь, а тебе, блядину сыну, сунуть китовый в жопину и потихоньку вынимать... Хуй ты, блядь, пизда, разьеба, еб твои в три хуя мать, какого рожна приказ нарушаете, выпердыши блядские! — грозно заорал во всю свою глотку бравый боцман.

Евстафий Степанович Одинцов, капитан первого ранга, командир флагмана, стопушечного корабля «Ростислав», образцовый офицер, знающий все премудрости военно-морского дела от самых азов, не терпящий нарушений приказов даже в самых малых их проявлениях, молниеносно, со скоростью капитана, спасающего тонущее судно, среагировал на сию крамолу. Здесь нужно сказать, что Евстафий Степанович в совершенстве владел малым Петровским загибом и не мог не использовать оно в своей назидательной речи.

— Распроёбанец хуев, зело разьебанный до требухи пиздодыры вселенской хуеглот, яко вздрочённый фараонов уд, промудохуеблядская пиздопроёбина, архиереева залупа, оной плешь, Иерихонская пиздищи елдачина, зарубка Алексашковой наизнатнейшия мотни, блудоебливый афедрон, ёбанный Приаповой дубиной стоеросовой, Вавилонския блядищи выблядок, мудило вельми отхуяренный, пиздобебательной пиздины пиздорванец особливо охуелый, кляп вздыбленный ебливище пиздоторчащего хуищи, аллилуя, в матросы тебя — гомноёба — разьебу, — на одном дыхании выпалил бравый капитан.

Нужно заметить, что до адмирала Чичагова, стоящего на капитанском мостике подле императрицы, как и ко всем там находившимся, уже донеслось восклицание боцмана. Однако разум флотоводца отказывался поверить в то, что какой-то негодяй совершенно наглейшим образом мог бы нарушить его приказ. Поэтому адмирал доверился своему чутью и подумал, что лёгкий летний бриз невообразимым образом сложился в его ушах в звуки, очень похожие на матершинные слова. Однако о громогласном возгласе капитана судна Одинцова этого уже нельзя было сказать, так как оный стоял в непосредственной близости от мостика и всех на нём присутствующих. Хорошо поставленный командирский голос отчётливо впечатал каждое слово в уши и императрицы, и её свиты, и самого адмирала.

Реакция его высокопревосходительства адмирала Чичагова на услышанное, наверное, могла бы быть сравнима с получением осколочного ранения крупным куском шрапнели в самое сердце. Но уже через мгновение ока истинный флотоводец взял ситуацию под полный контроль и чётким командным басом выпалил из своей гортани:

— Ах вы, блядины, семитаборные охуевшие блядепиздопроёбища, чтоб вы хуями поперхнулись, долбоебическая пиздорвань, распизди вас тройным перебором через семь переёбов, распиздоблядские мудоебища, хуеблядоебские еблоухие пиздопроебины, мордоблядины залупоглазые, склипездени злоебучие, страхапиздища трипиздоблятские, мандоебы абортные, семиглавые восьмихуи с четырьмя пиздопроебинами, облямудевшие пиздохуилины, невьебенно охуевающие от своей собственной опизденелости...

Ещё, наверное, долго адмирал продолжал бы свой монолог, так как в свою очередь в совершенстве владел уже большим Петровским загибом, но звук тупого удара и лёгкое сотрясение мостика вернули его назад с поля боя в реальную мирную жизнь. Он повернул голову, увидел упавшую в обморок фрейлину, другую — в предобморочном состоянии в объятиях вахтенного офицера, и в последнюю очередь его взгляд остановился на лице императрицы.

— Матушка, родная, не вели казнить! Бес проклятый попутал! Не со зла вырвалось, довели ироды окаянные! — адмирал сорвал с головы свою треуголку и стал просить прощения у Екатерины.

На то она и Великой была — Екатерина, что интересы России ставила превыше светских условностей, а беззаветную преданность Родине ценила выше мелких проступков. Ни один мускул не дрогнул на лице Великой императрицы, и, не повышая голоса, как и подобает высочайшей особе, она молвила:

— Полноте, голубчик, не извольте беспокоиться, я в ваших военно-морских терминах ничегошеньки не понимаю.

И, кстати, показательное плавание закончилось успешно: команда продемонстрировала высокое мастерство и выучку, за что и получила царственное благословение от её императорского величества.

А теперь давайте мысленно представим этот анекдот без мата. Как мне кажется, это была бы совсем другая история, как и та, что ждёт вас далее.

Глава 1

Дальняя дорога

На дворе стоял конец ноября 1987 года, но погода всё ещё баловала своей плюсовой температурой и мягким южным климатом причерноморского побережья.

Колёсные пары размеренно постукивают на стыках рельс, в вагоне чувствуется стойкий запах сигаретного дыма, вина и здоровой домашней еды — жирной, высококалорийной и, несмотря на это, идущей во благо всем пассажирам в вагоне, и не только этого, но и всех остальных, послушно следующих один за другим.

С небольшими интерпретациями в каждом вагоне наблюдается настолько одинаковая картина, что даже очень внимательному пассажиру, решившему забрести в соседний вагон, нужно было бы приложить значительные усилия, чтобы вспомнить своих, столь одинаковых по многим показателям, соседей при возвращении назад.

Одно из боковых отделений оккупировала четвёрка новоиспечённых призывников и, в унисон остальным попутчикам, с энтузиазмом выпивает молодое вино, закусывает ароматными домашними деликатесами, которыми их родственники снабдили в дальнюю дорогу. При этом ведётся неспешный разговор, по большей части содержащий вопросы, повисающие в воздухе без ответа.

— Интересно, куда нас определяют? — спросил Лёлик с уже остриженной головой, от этого казавшейся более круглой и какой-то чужой.

— В водолазы возьмут, не зря же мы водолазную школу окончили, — пробурчал Боуш с набитым ртом.

— А водолазы они вообще где обитают? — спросил Бахыч. — На судне или на берегу?

— В столовой, двойную пайку жрут, чтобы быстрее на дно опускаться, — пошутил Евлан, и все весело засмеялись.

Лёлик уверенным движением наполнил кружки и поднял свою, произнося тост: — Давайте выпьем, чтобы нас не разбросало по разным частям и мы попали служить в одно место.

Все одобрительно стукнулись и смачно отглотнули.

— А помните, нам один кент рассказывал, что на Чёрном море, возле Очакова, остров есть, а на нём какие-то хуи обитают, и они не только под воду ходят, но и с парашютом прыгают, в горы и леса ходят, стреляют до ебеней фени и всякой другой хуетой занимаются? Вот туда бы вместе попасть, — мечтательно произнёс Бахыч.

— Посмотри на себя, крепыш бухенвальдский! Какой нахуй парашют и какие горы? Тебя через раз ветром сносит, — пошутил Евлан и весело засмеялся от собственной шутки.

Его шутка была таковой лишь отчасти, по каким-то причинам вес у Бахыча был на пределе нижней планки и, в отличие от своих братьев с нормальным телосложением, он казался довольно щуплым пацаном.

— Слышь ты, Евлан-еблан, в отличие от вас всех, уродцев, у меня десять прыжков с парашютом имеется. А неизвестно, сможет ли твоя жирная жопа прыгнуть. Может, и обосрётся

со страху, — язвительно отреагировал Бахыч, которому лучше было не класть палец в рот по причине ещё не выбитой из него задиристости.

— В Экипаже проситься нужно, чтобы вместе оставили: найти там главного и уговорить его, — прервал дружескую перепалку Боуш.

— Вот ты этим и займёшься, — с иронией продолжил Лёлик. — Поисками и уговорами. Таких просил здесь целый поезд — вишь, все бандами кучкуются и тоже мечтают вместе служить.

— Да, хуину нам на всю морду: раскидают по разным кораблям, будем семафорить друг другу в открытом океане, — добавил Бахыч.

По обыкновенной дворовой привычке у всех наших героев имеются клички, и очень редко случалось так, что эта кличка была выбрана самостоятельно. Как правило, она как-то внезапно появляется и прилипает к хозяину мёртвой хваткой, иногда даже на всю жизнь. Природу кличек несложно классифицировать: очень часто это производные от фамилий или результат какого-нибудь резонансного случая, который тесно ассоциируется с её хозяином.

В случае же с Бахычем, на момент следования в поезде у него было погоняло — Уродец. Судьба сыграла с ним злую шутку, так как в бурсе, где вся наша четвёрка училась в одной группе, он в качестве любимого, но ласкового оскорбления для своих товарищей использовал так понравившееся ему слово «паразит» — уродец. Недолго думая, сокурсники в один прекрасный момент сами стали называть его Уродцем. И отлепиться от данной клички было уже невозможно.

Ну не бить же, в конце концов, своих лепших корешей за обидное имя, да ещё придуманное самим тобою! Так что наш Серёжа, совершенно обыкновенной внешности, с лёгкой руки своих закадычных друзей стал обладателем некрасивой, но в то же самое время ироничной клички. Но совсем скоро к нему прилипнет новое погоняло, если угодно — псевдоним, который останется уже с ним на долгие годы, — Бахыч.

— И вообще, какого писюна я попёрся с вами в водолазную школу?! Сами себе приговор на три года подписали! Сейчас бы в артиллеристы на два года к своей пушке ехал, а тут собственными руками лишний год себе впиздючил! — с наигранной обидой продолжил Бахыч.

На самом деле вся четвёрка гордилась, что за пару месяцев до призыва военкомат захолустного придунайского городка Килии направил их в Одессу аж на полтора месяца для обучения в тамошней водолазной школе по специальности — легководолаз.

Тяжело сказать, сколько новоиспечённых салаг вмещает в себя вагон, так как напихано их тут гораздо более установленного количества плацкартных мест: на первый взгляд не меньше сотни, в составе не меньше десяти вагонов, итого — не менее тысячи душ на весь поезд. Молодых, здоровых и полных надежд на счастливое будущее парней, движущихся под размеренное покачивание вагонов в город-герой Севастополь. Литерный поезд Одесса — Севастополь: «литерный» — значит идущий не по расписанию и по своему маршруту; в нынешние времена, наверное, сказали бы «чартерный рейс».

Ни о каком постельном белье или даже матрасах речи здесь не идёт: голые полки и отсутствие всего того, что может быть сломано, выброшено в окно, спущено в унитаз или уничтожено каким-либо другим безобидным способом.

Но какие могут быть претензии у пацанов, родившихся и выросших в расцвет «застойных» времён — периода развитого социализма, воспитанных улицей, лагерями труда и отдыха, заводами, бурсами, пацанов, впитавших в себя стойкость к бытовой неустроенности и перманентному отсутствию самого необходимого!

Наша четвёрка вновь наполнила кружки и радостно опрокинула их за успех чего-то хорошего. Так или иначе, в каждом вагоне была похожая ситуация. Нельзя сказать, что все без исключения новобранцы предавались чарам Бахуса до потери сознания, но отыскать здесь не пригубившего хотя бы глоток вина или чего покрепче вряд ли было возможно.

Да и это понятно: ведь теперь каждый из них в одночасье лишился поддержки семьи и близких, поддержки друзей, однокурсников — всех тех, кого знал до этого момента. Впереди неизвестность, в которой можно рассчитывать только на себя, на стойкость духа и на те навыки и знания, которыми обладает каждый из них.

Мимо плацкартного отделения наших героев медленно движутся двое уже прилично поднабравшихся будущих моряков. Они изрядно покачиваются — возможно, от выпитого алкоголя, возможно, в такт подёргивающегося вагона. Внезапно силы покидают их, и они останавливаются, поддерживая друг друга.

— Не, ну ты скажи: Машка меня провожала или тебя? — заплетающимся языком проговорил парень в морской тельняшке.

— Не о том гуторишь, братан, — так же нечленораздельно пробормотал его напарник в клетчатой рубашке. — Надо уже думать, как сына делить будем? Или кто ещё там родится...

Мутный взгляд «тельняшки» попытался сфокусироваться на лице оппонента, правая рука крепко вцепилась в рубашку на его груди. И непонятно, то ли он собрался его бить, то ли держится за него как за опору, чтобы не упасть в пропасть небытия, высланную молодым задиристым домашним вином.

Внезапно его голова вскидывается, рот открывается, но не для того, чтобы высказать претензии, возможно, задетого самолюбия. Из его чрева вырывается обильная струя блевотины и снайперским выстрелом поражает морду земляка.

Бурный фонтан несёт с собой не только полтора-два литра вина, но и сопровождавшую закуску. Здесь есть и свежая, только что пережёванная домашняя колбаска, и мамкины пирожки с капустой, есть и яйца — куда же без них, — а также всё то, что попало в молодой организм сразу же после того, как поезд, увозящий их в новую жизнь, тронулся с одесского вокзала.

Произошедшая сцена изрядно позабавила наблюдавших за ней пацанов, но не стала причиной хоть какой-нибудь агрессии даже со стороны обтекающего собрата. Такой же юный организм в клетчатой рубашке, ещё не испорченный регулярным употреблением алкоголя, находится в точно таком же предсмертном состоянии. Спусковой крючок приведён в действие.

С первым же ароматом кислотного запаха рвотных масс на своём лице «клетчатая рубашка» поперхнулась, попыталась прикрыть рот рукой, но тщетно: струя мести с давлением в несколько атмосфер и сопровождаемая рыканьем молодого льва вырвалась на лицо обидчика.

На этот раз свидетели первого эпизода и привлечённые шумом второго «предсмертного рыканья» новобранцы уже не могли сдерживать эмоции, и весь вагон взорвался дружным, молодецким гогогом, улетающим далеко за пределы постукивающего колёсами состава.

Любая дорога когда-нибудь заканчивается — вот и наш состав тихо причалил на тупиковую ветку центрального вокзала Севастополя. Раздалась команда старшего по плацкарту: «К вагону, выходи, строиться в две шеренги!».

Ещё без должной прыти новобранцы начали вываливаться из вагона, и многие из них даже не задумывались, что вместе с воздухом затхлого вагона из их молодых организмов на два, а то и на все три года выветриваются последние ароматы гражданской жизни.

К удивлению прибывших, рядом с их составом уже стояло два или три таких же поезда, откуда также вываливались кучей будущие моряки-черноморцы, прибывшие из других городов необъятного СССР.

Так что сопровождающим пришлось проявить достаточные организаторские способности, чтобы умело разрулить внушительные кучи народа. В конечном итоге каким-то чудом удалось выстроить несколько тысяч человек в единую колонну, и она медленно, как обожравшийся удав, извиваясь, поползла по центральным улицам Севастополя в сторону Экипажа.

Это было незабываемое зрелище. Наша четвёрка оказалась в самой середине колонны, которой не было видно ни конца, ни края. Двигалась ли она молча? Отнюдь нет!

— Одесса!. — истошно завопил шустрый малый с явными задатками лидера дворовой шпаны. — Мама! — громогласно, единым ударом, отозвалась колонна.

— «Черноморец»!. — не унимался заводила. — Чемпион! — вновь дружно грянули тысячи голосов.

Перчатка была брошена в никуда, но не было ни малейшего сомнения — она точно угодила в чью-то горячую голову. Уже через мгновение авангардная часть колонны оживилась, зашевелилась, и оттуда прорвался ответный вопль другого заводилы:

— Ростов!.

— Папа! — отозвалась толпа не менее оглушающим взрывом.

— «Ростсельмаш»!. — продолжил ростовский жиган. — Чемпион! — вторила ему колонна.

Нетрудно догадаться, что оставшуюся часть пути засыпающий город с немалым удивлением слушал эти громовые раскаты, вырывающиеся из тысяч глоток молодых, полных энергии и задора пацанов.

В целом колонна добралась до конечного пункта назначения без серьёзных происшествий, если не считать мелких пакостей, устраиваемых наиболее буйными призывниками, которые начали перебрасываться между собой всем, что было у них при себе, не исключая одежды и небогатой поклажи вещмешков.

Глава 2

Урожай Экипажа

Экипаж — центральное место сбора и распределения новобранцев, направленных городскими и районными военкоматами из разных областей для прохождения действительной военной службы.

Большинство из них в конечном итоге распределялись в подразделения надводного и подводного флота. Однако попадались и немногочисленные везунчики, которых направляли в морскую пехоту, береговые части охраны или другие подразделения, имеющие косвенное отношение к морю. И, как следствие, получающие меньший срок службы — какие-то жалкие два года, или 24 месяца, или 730 дней — супротив весомых трёх лет, или 36 месяцев, или 1095 дней.

В этой связи возникает вполне логичный вопрос: а с какого такого перепуга моряки служат на один год дольше, чем вся остальная — женского полового органа братия? Хотя тем же артиллеристам, танкистам, связистам и даже ракетчикам приходится осваивать сложнейшие специальности, связанные с использованием серьёзного вооружения.

Ответ прост, очевиден и буквально дрейфует по поверхности мирового океана. Военно-морской флот включает в себя практически все военные специальности и элементы других родов войск. Но, помимо этого, военному моряку необходимо быть ещё и профессионалом в морском деле — освоить сугубо флотскую профессию. Таким образом, срок обучения и овладения несколькими специальностями неизбежно увеличивается. Отсюда — и более длительное время службы.

Ключевыми задачами Экипажа являются финальный медосмотр новобранца, подтверждение его группы здоровья, определение военно-учётной специальности и обмундирование оного. Попросту говоря — принятие решения о том, где и кем будет служить моряк, а также одеть его и обуть.

Именно здесь находятся «покупатели» — представители воинских частей и кораблей, которые лично участвуют в отборе молодняка для своих подразделений. Некоторые из них имеют приоритетное право отбора — в первую очередь из-за наличия у призывника нужной специальности, полученной на гражданке и востребованной на флоте. Например: водители, радисты или те же водолазы.

Кроме того, отдельным «покупателям» требуются абсолютно здоровые новобранцы, без единой записи о хронических заболеваниях в медицинской книжке.

К огромной, скученной на плацу толпе начали подходить какие-то люди, выкрикивать команды и забирать прибывших небольшими группами.

— Слушай меня внимательно, «команда 255» — ко мне! — грозно пробасил какой-то детина, непонятного звания и должности, но в флотском бушлате и бескозырке.

— Пацаны, это же наша команда, — произнёс Бахыч, глядя на своих товарищей.

— Да ну его нахуй... Посмотрите на эту гамадрилу! Ей взглядом человека убить — как два пальца обоссать, — искренне отреагировал Евлан.

— Может, сдриснем, пока не поздно? Скажем потом, что не слышали никакой команды, — предложил Лёлик.

— Отставить панику на корабле! Ещё пушки не увидели, а уже обдристались по уши. Валим сдаваться, — скомандовал Боуш и двинулся в сторону богатыря в форме.

Остальная братия, подхватив рюкзаки, потянулась за ним.

Через пару минут возле нового командира собралось около тридцати молодых соплежув.

— В колонну по трое — становись! — пробасил «монстр», указав рукой направление.

С учётом его габаритов, тяжёлого взгляда и явной серьёзности намерений, возражений ни у кого не возникло. Салаги достаточно прытко выстроились в колонну.

Выждав мгновение, новый властелин тридцати душ вновь огласил округу своим стальным басом:

— Слушайте сюда, товарищи призывники. По два раза повторять не буду. С этого момента вы поступаете в моё распоряжение. Команды выполняете чётко и беспрекословно. Своё мнение и вопросы запишите себе в ваши неразвальцованные жопы, а из ушей вытащите использованные прокладки любимых ковырялок. Если на каком-то этапе кто-то из вас проебётся — обещаю, лично позабочусь, чтобы этот гальюнный продукт проходил дальнейшую службу в керченских каменоломнях. Я — старшина 1-й статьи Гайдаржи Николай. Обращаться ко мне — «товарищ командир».

Он замолчал и медленно обвёл строй тяжёлым взглядом. Лица новобранцев заметно перекосило.

— Всем всё понятно? — вновь бросил он.

С задних шеренг какой-то смельчак — или, наоборот, обоссанец — робко выдавил:

— Да...

— Внимание, товарищи призывники! В подобных ситуациях ответ может быть только положительным. И звучать он должен так: каждый рот в этой колонне, обращённый в мою сторону, после вопроса набирает воздуха и на выдохе чётко и громко выдаёт: «Так точно, товарищ командир!». Увижу хоть одно не орущее лицо — лично буду осматривать у хирурга очко этого залётчика.

— Смирно! — рявкнул старшина. — Всем понятна информация?

— Так точно, товарищ командир! — дружно и слаженно рявкнуло новоиспечённое подразделение.

Перспектива влететь в неприятности с первого же дня службы заставила всех без исключения напрячь связки и выдать образцовый ответ.

Многотысячная толпа на плацу на мгновение даже притихла — словно задавшись неммым вопросом: «Это откуда такие салаги взялись, что так образцово рапортуют?»

— Вольно! Всем следовать за мной! — чётко произнёс Гайдаржи.

На его угрюмом лице мелькнула едва заметная улыбка — короткая, как вспышка.

В дальнейшем взвод с нашими знакомыми персонажами ненадолго отправили в отстойник — на перекур. Этим моментом Боуш и Бахыч тут же воспользовались: в общем туалете,

под тонкой стружкой холодной воды, они побрили друг друга наголо тупым станком с легендарным лезвием «НЕВА».

Евлан же решил доверить свою шевелюру штатному парикмахеру Экипажа — по факту такому же салабону.

Решение оказалось так себе: во время стрижки он безбожно орал от боли — тупая машинка выдирает волосы целыми клоками.

Потом долго ржали уже над ним — островки пропущенных волос делали его похожим на карту неизвестного архипелага. В итоге Евлан пошёл в туалет и собственноручно довёл дело до ума.

Финальный медосмотр — мало ли, вдруг военкоматы что-то напутали, недосмотрели или, не дай бог, кто-то где-то схитрил. Всех — галопом по врачам.

Казалось бы, чего бояться... но у Бахыча всё-таки немного сжались булки, и вот почему...

Молниеносное решение

Всё, бурса закончена. Начало лета, заводская общага и полноценная работа на заводе. Осталось каких-то четыре-пять месяцев — и вперёд, на службу.

Бахыч устало развалился на скрипучей металлической кровати после ночной смены, прикурил папирску и, выпуская ровные кольца дыма, упёрся взглядом в потолок.

По коридору послышался топот ног, дверь распахнулась, и в комнату ввалились его закадычные дружбаны — Боуш, Лёлик и Евлан.

— Вставай быстрее! Сейчас пиздуем в поликлинику, медкомиссию проходить. Мы договорились с Лариской из военкомата — нас посылают на полтора месяца в Одессу, на курсы легководолазов. Будем водолазами служить! — выпалил Лёлик.

— Виталь, ну ты debil совсем конченный, что ли? — вяло отреагировал Бахыч, не меняя позы. — Это же прямая дорога в ВМФ и три года вместо двух. Надо же иногда и в свой котелок думать.

— Да похую! — бодро вклинился Евлан. — Смотри: служить будем на море, а не где-то в степях Чурбостана. Форма — красивая. Кормят — на убой. В Одессу на полтора месяца — со всеми вытекающими: пляжи, чувихи... отдохнём хоть немного. Плюс на завод уже не пойдём — после учёбы отпуск, а там сразу на службу.

Наступил черёд Бахыча шевелить извилинами.

Перед глазами всплыла картина задымлённого цеха: постоянный шум, грохот, тяжёлая, выматывающая работа, выжимающая все соки из молодого организма.

«А ведь правы пацаны... Какая, к чёрту, разница — два года или три», — подумал он.

— Пацаны, посмотрите на моё ебало, — произнёс Бахыч. — Чё вы там видите?

— Морду, не въезжающую в ситуацию. Больше ничего, — отреагировал Боуш.

— А носопырку кривую не видишь? Я только одной ноздрёй дышать могу. Вторая уже много лет не работает. Комиссию не пройду — у водолазов всё дышать должно, даже жопа, — пояснил Бахыч.

Когда и как это произошло, он не помнил. Скорее всего, по причине своей залупастости когда-то хорошо схлопотал по носу — с тех пор шнобель уверенно косил вправо.

— Да, это проблема... — вздохнул Боуш. — Там реально рентген пазух носа делают.

Пацаны призадумались.

— А давай так: я за тебя сфотографируюсь, а ты себе нос подправишь в больничке, — предложил Боуш.

Авантюра — чистой воды. Но, как ни странно, сработала. Боуш дважды сходил на рентген — за себя и за Бахыча. Подмена снимков прошла без эксцессов, и вся четвёрка благополучно прошла медкомиссию на курсы водолазов.

Через неделю Бахычу каким-то чудом удалось найти в Измаиле старого, заслуженного лекаря, который, со скрипом, согласился выпрямить ему носовую перегородку...

Сверхсложный нос

Операция проходила под местным наркозом. Врач уложил Бахыча на стол, набросил на лицо белую накидку с отверстием для носа. Теперь пациент мог наблюдать за происходящим только через узкую щёлочку.

На всю жизнь ему запомнился звук — глухой стук молотка и удары долота. Каждый удар отдавался по всей голове, и она дёргалась в такт инструменту. Хруст хрящей, которые выправляли чем-то вроде кусачек или плоскогубцев, звучал особенно отчётливо.

В носоглотку полилась кровь, мешая дышать.

— Не шевелись. И не фыркай! — приказал врач.

Не фыркать, когда в горло льётся кровь? Легко сказать. Бахыч попытался сдержаться — хватило на пару минут.

— Я тебе ясно сказал, блядское отродье, не фыркай! — заорал врач.

Бахыч притих... ненадолго. И тут — глухой удар кулаком по лицу.

С переменным успехом это противостояние продолжалось всю операцию. Несчастному пациенту досталась щедрая порция оплеух. Вместо сорока минут операция длилась больше трёх часов — искривление оказалось сложнее, чем предполагал доктор.

Когда всё закончилось, Бахыч сел на кушетке и только сейчас почувствовал, что вся его пижама насквозь мокрая. Он поднял мутный взгляд: с врача лился пот — лицо, маска, шапочка были мокрыми, а под ногами хлюпала приличная лужа.

Спустя два дня медсестра сняла повязку. Бахыч подошёл к зеркалу... и остолбенел. На него смотрела распухшая морда — что-то среднее между зомби и хроническим бомжом-алкоголиком. Глаза — узкие щёлки. Нос — огромный, такой, что любой грузин заплакал бы от зависти.

Но, как ни крути, доктор сделал своё дело отлично. В дальнейшей жизни нос больше не подводил Бахыча — служил верой и правдой во всех передрыгах, в которые его заносило вместе с хозяином.

По дороге к мечте

Флотская медкомиссия пройдена — без претензий.

Остался последний рубеж — председатель комиссии. Именно он ставит финальную точку.

Лёлик, Боуш и Евлан уже получили свои заключения и довольные ушли переодеваться.

Бахыч — следующий. За столом сидит статный офицер в морской форме. Он неспешно листает медицинскую книжку, затем поднимает взгляд:

— А почему худой такой?

— В бурсе, в общежитии жил. Кормили так себе, вот и худой, товарищ капитан третьего ранга, — бодро ответил Бахыч.

— А ты с чего решил, что я третьего ранга?

— Три большие звезды на погонах...

Офицер открыл дело, пролистал документы.

— Учился неплохо. Десять прыжков с парашютом. Водолазную школу на Бебеля закончил с отличием... — он сделал паузу. — А так и не выучил, что три звезды — это первый ранг.

— Виноват, товарищ капитан первого ранга. Исправлюсь, ещё не привык, — неожиданно чётко отрапортовал Бахыч.

— Веса у тебя не хватает... — офицер задумался. — Не знаю, что с тобой делать. Служить хочешь?

И тут сработало чутьё. Именно сейчас решалась его судьба.

— Товарищ командир, отъежся! Я сам на флот просился. Я водолазом хочу быть! — быстро заговорил Бахыч. — Я вообще хочу год отслужить и рапорт в военно-морское училище подать, - бросил в топку последний козырь обосравшийся от страха морячок.

Офицер посмотрел в окно. Несколько секунд тишины показались вечностью. Он встре-пенулся, взял ручку, быстро вывел в графе: «1А», расписался, закрыл дело и бросил его на стопку.

— Служи честно, не жалея живота своего, во благо Родины и Военно-морского флота. Следующий!

— Так точно, товарищ капитан первого ранга, не подведу! — донеслось уже из-за двери.

Поскольку вся наша четвёрка получила наивысшую оценку по здоровью, путь в подводный мир им был открыт — за исключением маленького нюансика: необходимости на практике проверить проходимость ушных и носовых пазух. То есть — обжать всех в барокамере, выражаясь гражданским языком, симулировать погружение на глубину в камере высокого давления.

Такой огромной барокамеры никто из наших героев не видел ни до, ни после этого испытания. Громадная герметичная цилиндрическая ёмкость, внутри — металлические лавки, холодные и беспристрастные, как и сам способ проверки на годность.

По команде через круглый люк внутрь забралось не менее двадцати испытуемых душ. Все расселись, притихли. Даже самые говорливые вдруг притихли, испуганно ожидая развития событий.

Обеспечивающий водолаз изнутри показал знак готовности оператору. Люк захлопнулся. Послышался металлический скрежет завинчивающейся задвижки — звук, от которого внутри у каждого что-то неприятно ёкнуло. Через пару минут в камеру с шипением начал поступать воздух, создавая повышенное давление.

В водолазном деле принято: десять метров глубины (или водяного столба) равны одной атмосфере. Прикреплённый к переборке манометр показал три метра — у всех сразу заложило уши. Кто-то зажал нос, кто-то сглатывал слюну, кто-то водил челюстью, будто пытался пережевать само давление.

Вдруг один из новобранцев поднял руку и, скривившись от боли, начал показывать на уши. За ним — второй, с той же проблемой. Обеспечивающий дал знак оператору. Давление спало. Люк с металлическим лягом открылся — и двое с радостными, почти счастливыми мордами спасённых тюленей выскочили наружу.

Процедура повторилась. На семи метрах ещё двое салабонов жалобно запросились на выход. Снова всплытие. Снова эвакуация.

Третий спуск прошёл уже без происшествий. Стрелка манометра застыла на двенадцати метрах. Считается: если человек прошёл эту отметку и чувствует себя нормально — дальше он сможет продуваться без проблем. Ещё несколько минут — и начался подъём. Казалось бы, всё, тест пройден. Но не тут-то было.

На выходе каждого призывника ждал седой старичок в белом халате. С помощью какой-то хитрой трубки он внимательно рассматривал барабанные перепонки и молча делал пометки в медицинских книжках. Любое покраснение, растяжение — или, не дай бог, кровь — и всё: прощай подводный флот, здравствуй надводный.

Судьба вновь оказалась благосклонна к нашим героям. Проходимость пазух — отличная. Радостные рожи уже мысленно ныряли в самые глубокие впадины мирового океана.

История с тружениками тыла

Как говорил легендарный Суворов: «Куда у русского солдата ни загляни — везде чисто». В полной мере — и даже вдвойне — это касается и русских моряков. Следующий пункт — баня. А точнее — помывочная.

Именно здесь приклатнённая команда матросов, все три года «рискующая» своими жизнями в Экипаже, делала себе маленькие состояния — по меркам развитого социализма,

конечно. В те времена, когда импортные джинсы, цветной телевизор или ковёр на стене автоматически переводили тебя в другую лигу. Здесь нещадно и безжалостно изымалось всё ценное.

— Слушай мою команду, душары желтопузые! Раздеваемся догола и все вещи — в эту кучу! — пропищал противным фальцетом прыщавый старший матрос интеллигентного вида, указывая на внушительную гору чужого имущества.

Призывники начали раздеваться. Бахыч аккуратно сложил тельняшку и засунул её в рюкзак. Евлан снял джинсы — предмет роскоши по тем временам — и тоже бережно уложил их. Лёлик с Боушем не захотели расставаться с труселями, платочками и бабушкиными носками.

— Так, по одному сюда. Вываливаем всё на стол, — продолжил тот же голос.

Первым пошёл Евлан. Вывернул сумку. Замер. Смотрит. Очкарик, увидев джинсы, сразу оживился. В глазах появился алчный блеск. Он деловито вытащил джинсы, расправил их и приложил к своей талии, оценивая подойдут ли они ему.

— Васёк, как считаешь, нормальные или фуфлятские? — спросил он, не глядя на Евлана.

Здоровенный детина в тельняшке лениво оторвался от сортировки чужого добра, подошёл, глянул:

— Не, велики. Для меня — самое то.

Евлан, большой дока неформальных дворовых отношений, без какой-либо агрессии решил напомнить о своём присутствии:

— Уважаемые, довожу до вашего сведения: джинсы мне дороги как память о юности. Кроме того, я планирую передать их потом в музей школы, где я учился.

Очкарик встрепенулся, как будто бы услышал страшную и богохульную крамолу.

— Бля, ни хуя себе залупастая молодёжь пошла! — обратился он за сочувствием к верзиле. — Вася, ну почему одно и то же, хоть бы один гондон раскрыл сумку, достал оттуда свои часы с кошельком и благодарственно всё это подарил мне. И сопроводил бы это всё словами: «Товарищ дембель нате вам от души, мне всё равно, карасине поганому, это не пригодится в ближайшие три года!».

Он упёрся руками в стол и уставился на Евлана:

— А может, тебе вообще это не пригодится. До дембеля, перхоть подзалупная, не доживёшь.

Евлан понял, что дальнейшая культурная беседа с нежелающим внять его словам поцом приведёт к фиаско, поэтому вынужден был перенять тональность своего собеседника.

- Послушай, гнида складская, я же с тобой ласково общаюсь, могу тебе твои мелкоскопы и в жопу запихать, может тогда увидишь, кто с тобой разговаривает! — вежливо, но с интонацией человека готового идти до конца, произнёс Евлан.

Здоровая детина среагировала довольно прытко, она подскочила к Евлану, обхватила его голую шею двумя руками и начала валить на пол. Кореша Евлана немедленно принялись помогать своему товарищу и через миг образовалась куча тел, которая в конечном итоге потеряла равновесие и завалилась на пол. Очкарик, быстро смекнув, что перевес может оказаться на стороне новобранцев с воплями выскочил в открытую дверь:

— Товарищ мичман! Караси взбунтовались!

На полу четверо молодых сопляков тщетно пытались справиться с откормленным за три года на казённых харчах здоровенным дармоедом. Клубок тел тяжело дышал, скользил по мокрому кафелю, сопел, матерился и упрямо не хотел распадаться.

В этот момент дверь распахнулась так, что ударилась о стену. В помещение ввалился маленький, толстый мичман с багровым лицом. За его спиной, как за щитом, прятался очкарик.

— Смирно! Отставить неуставные взаимоотношения!!! — заорал мичман таким голосом, что даже стены, казалось, вздрогнули.

Куча замерла на долю секунды — и начала нехотя распадаться на отдельные фракции. Кто-то отполз, кто-то оттолкнулся, кто-то просто разжал руки. Через несколько мгновений запыхавшиеся, всклокоченные, с налитыми кровью глазами, они уже стояли перед мичманом. Голые. Потные. С опущенными руками.

— Я вас всех в дисциплинарный батальон упеку, щенки поганые... — медленно, почти шёпотом начал он.

И этот шёпот оказался страшнее крика. Он прошёлся взглядом по каждому — задерживаясь, как будто запоминая.

— Нихуя себе... Цусимское сражение устроили... на первом дне службы...

Тишина. Только тяжёлое дыхание и капли пота, падающие с тел на кафед.

— Старший матрос Приходько! — резко бросил мичман.

— Я! — шагнул вперёд здоровяк, уже выровняв дыхание.

— Доложить.

Приходько вытянулся, голос уверенный, почти довольный:

— Товарищ мичман, данные призывники отказались выполнять приказ по сдаче вещей. Проявили неповиновение и применили физическое воздействие к старшему по званию. Прошу разрешения оформить рапорт о привлечении их к ответственности.

Мичман медленно кивнул. Пауза. Он снова перевёл взгляд на четвёрку. Дольше всего — на Евлана.

— Ну... — тихо произнёс он. — Герои.

Шаг вперёд. Ещё шаг. Теперь он стоял почти вплотную.

— Что скажешь, обречённый на дисбат? — негромко, но с нажимом.

Евлан не отвёл взгляда.

— Не хорошо на чужие вещи рот открывать, товарищ мичман. Мне мои штаны самому пригодятся.

На секунду повисла глухая, тяжёлая тишина. Очкарик за спиной мичмана нервно хмыкнул. Мичман медленно повернул голову в его сторону.

— Закрой пасть.

Очкарик тут же сдулся. Мичман снова посмотрел на Евлана. Прищурился.

— Смелый... — протянул он. — Или тупой. Пока не понял.

Он резко развернулся и прошёлся вдоль строя, сцепив руки за спиной.

— Слушайте сюда, орлы... — голос снова стал жёстким, металлическим. — Здесь не гражданка. Здесь вам не мама с папой и не дворовые разборки.

Он резко остановился.

— Здесь — система. И система вас или перемелет... или сделает людьми.

Он ткнул пальцем в сторону кучи вещей.

— Согласно приказу, призывник имеет право отправить домой ценности заранее. Не сделали?

Молчание.

— Значит, сейчас всё сдаётся.

Резко, почти выкрик:

— На утилизацию!

Слово прозвучало так, будто речь шла не о вещах. Он снова приблизился к Евлану почти вплотную.

— Ты... — короткая пауза. — Сильно любишь свои штаны? Проверим, что ты любишь больше: их... или Родину.

Он отступил на шаг.

— Последний раз спрашиваю.

Тишина стала осязаемой.

— Вопросы... есть?

Никто не шевельнулся. Даже дыхание будто стало тише.

— Я не слышу! — рявкнул мичман.

— Никак нет, товарищ мичман! — рвануло сразу из четырёх глоток, уже без запинки.

Мичман кивнул.

— Вот так-то лучше.

И только сейчас, почти незаметно, уголок его губ дёрнулся — то ли от удовлетворения, то ли от мысли, что машина по ломке молодых душ только набирает свои обороты.

— Товарищ мичман, я хочу, чтобы им по десять суток губы впаяли, — вставил свои пять копеек Приходько, явно наслаждаясь моментом победы.

Мичман резко повернул голову, словно его дёрнули за невидимую нитку.

— Какая нахуй губа, дубина?! — вспыхнул он, и голос его сорвался на резкий, почти визгливый окрик. — Они ещё не военнослужащие! Иди в милицию заявление пиши, умник!

Он шагнул вперёд, нависая, насколько позволял его рост, но давил он не габаритами — давил интонацией.

— Приказываю всем: прекратить препинания со старшим по званию и продолжить необходимые процедуры! Всем ясно?!

Ответа он не ждал. Да и не нужен он был.

Под конец этой моральной экзекуции очкарик покопался в куче старого тряпья, что-то поискал, порылся, словно на помойке, и, наконец, выудил откуда-то кусок хозяйственного мыла. Покрутил его в пальцах, усмехнулся и протянул Евлану.

— На, возьми, — протянул он, криво улыбаясь. — Помыль свою жопу. Скоро её будут драть в три шкуры... мягче входить будет.

Евлан не сразу ответил. Секунду просто смотрел на него — спокойно, без суеты, как будто примерял слова.

— Свою намыль, — наконец сказал он, негромко, но чётко. — На гражданке с таким отношением к людям душло тебе каждый день разминать будут. И без мыла.

Кто-то рядом тихо прыснул. Кто-то резко отвёл взгляд. Очкарик дёрнул щекой, но промолчал. Мичман, стоявший неподалёку, лишь бросил короткий взгляд — тяжёлый, недобрый.

В помывочную, после «санитарного» контроля и досконального осмотра личных вещей — к несчастью, сопровождавшегося небольшим скандалом и нещадной экспроприацией всего, что только можно было изъять, — будущие моряки входили уже притихшими.

В руках у каждого — кулёчек. В кулёчке — зубная щётка да паста, болтающиеся, как две сироты. Кому повезло — отстоял мелкую наличность. У кого-то остались часы. Всё остальное было нещадно, демонстративно свалено в огромную кучу прямо на глазах молодых бунтарей. И в ней уже не было «чужого» и «своего» — всё перемешалось, как будто прошлую жизнь просто сгребли лопатой и выбросили.

В конечном итоге пацаны довольно быстро «переварили» это досадное происшествие. Не потому что забыли — просто времени на переживания не было. Слишком быстро новые правила входили в их жизнь.

Румб на бригаду

Через пару минут они с явным удовольствием отправились развозить грязь на своих телах под душем с еле тёплой водой общественной помывочной Экипажа. После мытья четвёрка направилась на выход, где начиналась бесконечная череда комнат, стеллажей и каптёрок, и где другие, не менее деловитые моряки тыла выдавали форменное обмундирование.

Процесс шёл чётко, без лишних разговоров. Здесь каждым новобранцем было получено всё, что ему нужно будет для службы первые полтора-два года, а некоторые вещи — такие как шинель, шапка, бушлат, ремень — и вовсе полагались на все три года службы. На выходе из этих бездонных закровов Родины новобранец словно «выплёвывался» уже другим человеком

— одетым в чёрную военно-морскую робу, с уставным нижним бельём и прочими атрибутами моряка. И только на месте погон оставались пустые места.

— Ни хрена себе навывадали сколько вещичек... — протянул Боуш, перехватывая мешок поудобнее. — Носить не переносить всего.

— Да приличная куча получилась, — поддержал Лёлик, укладывая свои вещмешки рядом с остальными. — Прямо как на склад устроились.

Бахыч оглядел свою новую амуницию, потом перевёл взгляд в сторону склада, и ухмыльнулся.

— А чё... не плохо махнулись, — сказал он. — Полюбасу эти гондоны в прогаре остались. У нас — целая куча новых вещей, которым сносу нет... а им — джинсы драные достались.

Компания дружно засмеялась — коротко, но от души.

— Отставить ржать, жеребцы необъезженные! — тут же разрезал воздух зычный бас Гайдаржи. — Команда 255! Выходи строиться в колонну по трое, с вещами!

Смех оборвался мгновенно. Нагрузившись каждый своей поклажей, взвод двинулся к неприметному серому домику, где уже мирно перекуривали две или три точно таких же группы новобранцев — в новой, ещё пахнущей фабрикой форме.

— Складываем вещевые мешки — вот здесь, под деревом, — чётко отдавал команды старшина. — Предварительно помечаем каждый свой, чтобы потом не перепутать. Дальше ждём команды. Услышав свою фамилию — призывник заходит в помещение и делает то, что ему скажут. Всем всё ясно?

— Так точно, товарищ командир! — слаженнее прежнего, проглотил строй.

Финальная, и самая важная часть миссии Экипажа — распределение. Именно здесь решалось, кто куда попадёт. В какую часть. К какому «хозяину». С кем служить. А с кем — больше никогда не пересечься. Здесь находились «покупатели» — представители частей и кораблей, которые лично беседовали с призывниками и выбирали себе людей.

Здесь же проходило дополнительное тестирование на способность к радиodelу. Однако вся наша четвёрка с успехом его завалила — никто толком так и не понял, чего от них вообще хотели.

Островской киборг

Рядом с их кучкой расположилась другая группа таких же свежих морячков. Оттуда доносился разговор с чисто одесским, слегка приклатнённым колоритом.

— Мамзели, я имею кое-что вам сказать... — начал один, с хитрым лицом прожжённого пройдохи, обращаясь к своим спутникам. — Вы хорошо хотите на остров с рэксами? Или с вас станет три года горобцам дули давать?

— Не дави понты, Бобёр, — тут же осадил его другой, такой же ухарь из подворотни. — Лучше баклань по делу.

— Короче, — не обиделся тот, — мне один хороший человек напел, шо там есть кент знатный — маленький майор-крепьш. Это он на остров набирает, шо возле Очакова дрейфует. Нужно к нему подкатить, шобы взял нас к себе на борт.

Боуш услышал разговор и сразу напрягся. Переглянулся со своими.

— Чё делать будем, братва? — тихо, но жёстко спросил он. — Сейчас запиздюрят по разным местам — потом жалеть будем. Нужно и нам шевелиться.

— Предлагай, — коротко бросил Евлан.

Именно в это мгновение из домика вышел он. Маленький. Коренастый. Плотный. Майор. Он даже не торопился — просто шёл куда-то по своим делам степенной походкой.

Но шустрый одесский проныра уже мчался к нему на всех парах, размахивая рукой и подзывая своих.

— Товарищ майор, разрешите обратиться, как племянник к дяде! — налетел он, почти перегородив дорогу. — Возьмите нас, пожалуйста, на остров! Век благодарны будем! Клянусь, я вашу фотографию у бабушки на комодке поставлю — шоб она за вас каждый вечер молилась!

Майор остановился. Медленно поднял голову. Сначала посмотрел на него. Потом — на остальных. Та же шпана. Те же глаза. Та же наглость... и надежда.

— Хорошо. Возьму, — спокойно сказал он.

Искра радости вспыхнула на лице Бобра. Он уже начал было тараторить фамилии, но майор медленно поднял руку. Тишина.

— Возьму без собеседования только тех, — произнёс он, — кто повторит то, что я сделаю. Подходим сюда. Он указал на турник. Толпа оживилась мгновенно.

Уже само то, что майор решил лично показать упражнение, заводило. Турник был высокий — даже рослым приходилось подпрыгивать, чтобы зацепиться. А тут — коротышка.

Майор подошёл к перекладине. Чётко. Уверенно. Встал под ней ровно по центру. Толпа сомкнулась. Шум стих. И повисла тишина. Такая, в которой уже чувствовалось: сейчас что-то будет.

Майор чуть присел, будто собираясь с мыслями, и выставил обе руки перед собой. На мгновение всё замерло. И вдруг — взрыв. Колени резко выпрямились, раздался сухой щелчок, и тельце майора взмыло вверх, как сжатая до предела пружина, сорвавшаяся с фиксатора. Скорость была такой, что у некоторых наблюдающих мелькнула дурацкая мысль: если он сейчас не схватится — улетит к чёртовой матери в небо. Но он схватился. И не просто схватился — он уже стоял на руках. Безупречно. Чётко. На перекладине, которая находилась у него на уровне пояса. Как будто так и должно быть. Он на секунду застыл, осмотрел сверху притихшие, ошарашенные лица салаг — и в этом взгляде не было ни бахвальства, ни понтов. Просто констатация. Потом легко, почти лениво, опустил вниз и повис на вытянутых руках. Уже этого было бы достаточно, чтобы половина желающих «на остров» тихо слилась в сторону и больше не отвечивала.

Но это было только начало. Повисев пару секунд, майор поднял ноги и застыл в идеальном «уголке» — носки оттянуты, туфли блестят, корпус каменный. Тишина. Ни кашля. Ни шороха. И вдруг — он отпускает одну руку. Просто берёт... и убирает её. Прижимает к телу — как по стойке «смирно». Ещё пару секунд виса. У кого-то в толпе нервно дёрнулся кадык. Казалось бы — всё. Достаточно. Хватит. Молодая самонадеянность уже лежала где-то под турником, размазанная тонким слоем униженной самонадеянности.

Но майор даже не думал заканчивать. Он ещё раз окинул взглядом толпу — медленно, спокойно, будто проверяя, все ли видят. И начал подтягиваться. Медленно. Чисто. До подборodka. Опустился. Снова вверх. Снова вниз.

Три подтягивания на одной руке. С вытянутыми вперёд ногами. Без рывков. Без дрожи. Без единого лишнего движения. Как будто он попирает все законы природы.

Крепыш-коротыш выпрямил ноги, мягко спрыгнул с турника и, едва коснувшись земли, мгновенно встал по стойке «смирно». Застыл на несколько секунд. Потом, как ни в чём не бывало, поправил волосы двумя руками и повернулся к сотне бритых голов, стоящих с открытыми ртами.

— Товарищи новобранцы, — спокойно, без повышения голоса произнёс он, — занимаемся своим делом, ждём команды... и не мешаем руководству выполнять свои задачи.

Он уже развернулся, собираясь уйти. И в этот момент — как ножом по тишине:

— Товарищ майор... разрешите я попробую.

Голос был неуверенный. Но прозвучал очень отчётливо. Толпа медленно расступилась. Без слов. Как вода. В центре осталась стоять одинокая фигура.

Майор остановился. Не спеша повернулся обратно. Взгляд стал внимательнее. Перед ним стоял пацан. Такой же невысокий. Такой же плотный. Почти зеркальное отражение его самого.

— Давай... коли не шутишь, — произнёс майор, и в голосе его впервые проскользнул интерес.

Пацан не стал тянуть. Встал под перекладной. Согнул ноги. Резко выпрыгнул. Но получилось не так красиво, как у майора. Прыжок был слабее. Пальцы лишь краем зацепили металл. На долю секунды показалось — сорвётся. Уже почти сорвался. Но каким-то упрямым, звериным усилием он зацепился... двумя средними пальцами. И этого хватило. Через миг он уже висел уверенно, обеими руками. Выход на две — чисто. Безупречно. Дальше — вис. Идеальный «уголок». В толпе кто-то тихо выдохнул. Челюсти отвисли абсолютно у всех. И в этих взглядах уже появилась новая мысль — крамольная, опасная: «А вдруг... сможет?». Крепыш-президент медленно оторвал левую руку и прижал её к телу. Осталось чуть-чуть. Всего три раза подтянуться. Три. И у тебя в кармане пропуск в закрытый мир военной элиты.

Он начал подтягиваться. Сначала легко. Половина движения — уверенно. И тут пошла дрожь. Мелкая. Злая. Сначала в руке. Потом по плечу. Потом по всему телу. Он не был машиной, как майор. Он был живым. И это было видно. Он дожал. Медленно, сквозь напряжение, с тряской — но дотянулся. Подбородок коснулся перекладной.

Первый есть. Внизу кто-то сжал кулаки. Но дальше — разворот фортуны. Сил не осталось. Ни на второй. Ни на третий. Он понял это сам. И, с достоинством, аккуратно опустился и спрыгнул вниз.

Условия упражнения не выполнены, это очевидно. В то же самое время была продемонстрирована незаурядная атлетическая подготовка и сила каким-то призывником-молокососом. Каков же будет вердикт? Все молча уставились на майора.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Давид... — ответил пацан и тут же спохватился. — Юра... — ещё пауза. — Давиденко Юрий, товарищ майор!

В толпе кто-то тихо усмехнулся. Майор выдержал паузу. Секунда. Две. И вдруг — отрезал:

— Занимаемся по плану, товарищи призывники.

И всё. Развернулся и ушёл. Без вердикта. Без объяснений. Без эмоций. Толпа ещё стояла какое-то время, не двигаясь. Потом шум медленно вернулся. Но уже какой-то другой.

Ещё долго после этого моряки будут вспоминать этот случай. Пересказывать его, приукрашивать, спорить. И искренне удивляться физической подготовке обыкновенного строевого офицера и молодого салаги, посмеявшегося бросить ему вызов.

Судьбина друга

Призывники понемногу пришли в себя. Шум вернулся — сначала редкими смешками, потом глухим гулом разговоров. Но повторить финт майора больше никто не решился: желание выделиться резко уступило здравому инстинкту самосохранения. Дураков стать посмешищем перед сотней свидетелей не нашлось.

Одесская шпана, переглянувшись, потихоньку отвалила в свой угол, бурча что-то себе под нос. Наши герои, с тем самым видом «а мы и не собирались», не торопясь двинулись к своим вещам.

— Видал фильдеперца? — хмыкнул Бахыч, закидывая вещмешок на плечо. — Если у них так майор подтягивается, то что полковники могут делать, а?

— Слышал, — тут же подхватил Евлан, — что ихние полковники по десять раз на хую отжимаются.

Секунда — и вся четвёрка, сбросив напряжение, взорвалась смехом. Смех был нервный, но настоящий — как выдох после удара.

Собеседование с «покупателями» прошло быстро и почти безлико. Вопросы — как под копирку: спорт, учёба, прыжки, водолазка, драки... Ответы — такие же стандартные, но с попыткой приукрасить, где можно, и не провалиться там, где нельзя.

Когда всё закончилось, четвёрка снова собралась вместе. Только теперь в их круге что-то уже было не так.

Евлан стоял чуть в стороне, ссутулившись, и смотрел куда-то под ноги.

— Чё нос повесил, Виталь? — первым не выдержал Лёлик.

Евлан медленно поднял глаза.

— Да... этому хрену всё понравилось, — протянул он. — А потом комсомольский билет открыл...

Он усмехнулся, но как-то криво.

— Увидел выговор. Спрашивает — за что. Ну я ему и выдал... бабка, мол, билет за икону спрятала, забыла. Взносы платить надо — билета нет. Пришлось сказать, что потерял. Ну и... вlepили.

Он пожал плечами.

— Потом бабка нашла. Только толку... выговор-то остался.

Боуш тихо присвистнул.

— Да... напиздохвостила бабуля. И что теперь?

— Хуй его знает, — коротко ответил Евлан. — Рожа у «покупателя» была такая... будто я ему лично зарплату не выдал.

Повисла пауза. Никто не шутил. Никто не спорил. Каждый уже понимал — решается не просто распределение. Решается, кто с кем дальше пойдёт по этой жизни... хотя бы на ближайшие три года. Именно в этот момент дверь серого домика скрипнула и распахнулась. На пороге появился Гайдаржи. В руках его был список. Гул разговоров стих сам собой.

— Товарищи новобранцы! — рявкнул он. — Сейчас зачитаю фамилии. Кого назову — берёт вещи и выходит строиться в колонну по трое.

Голос у него был тот же — металлический, без права на возражение. Он начал читать. Фамилии сыпались одна за другой — быстро, чётко, без пауз.

Сердце у Бахыча вдруг неприятно дёрнулось. Он сам не понял почему — вроде всё уже позади: медкомиссия, барокамера, собеседования... А сейчас стало тревожно, как перед прыжком в неизвестность.

«Только бы вместе...» — мелькнуло у него.

— ...Боуш...

— ...Лёлик...

— ...Бахыч...

Каждое знакомое имя звучало как короткий выстрел — и одновременно как облегчение. Но... Евлана не было. Список закончился. Гайдаржи сложил бумагу. И в этот момент всё стало ясно. Без слов и объяснений.

Радость от того, что они попали в бригаду, тут же угасла, будто костёр накрыли мокрым брезентом. Внутри стало пусто и тяжело. Пацаны переглянулись. Никто ничего не сказал. Они просто подошли к Евлану. Обняли его — крепко, по-мужски, без лишних слов. Бахыч поймал себя на странной мысли: хочется что-то сказать — важное, правильное... но в голове пусто. И всё, что есть — это злость на какую-то сраную бумажку с выговором, которая так жестоко обошлась с его другом.

Евлан держался спокойно, без истерик, без жалоб. Только взгляд стал чуть тяжелее. Он по очереди посмотрел на каждого. И кивнул. Мол, всё нормально. Идите у нас теперь разные дороги. Пацаны развернулись и молча пошли за вещами.

Евлан остался стоять. Один. Он не окликнул их. Не сделал ни шага вслед. Только смотрел — долго, пока их спины не растворились в общей массе новобранцев.

Путь Евлана

Спустя некоторое время друзья узнали, что Евлан попал в отряд боевых пловцов особого назначения, основной задачей у отряда была защита стратегических и важных объектов от

водолазов диверсантов. Стал он действительно хорошим специалистом, даже немножко прикоснулся к большой политике. Когда в декабре 1989 года на Мальте проходили переговоры Горбачёва и Буша старшего, Евлан и его отряд обеспечивали противодиверсионную защиту наших кораблей. Переговоры прошли «успешно» - в скором времени огромная империя приказала долго жить тому, что от неё останется, а сама тихо, во сне, отошла в иной мир. Но и по сей день изрядное количество людей искренне сожалеют о её кончине.

Основной базой отряда Евлана был Севастополь, где он честно отслужил положенные три года, после чего вернулся домой и скорее всего зажил счастливой жизнью на гражданке. Боуш и Бахыч больше никогда не встречались с Евланом, так уж сложилось – жизнь разметала по разным уголкам. Лёлик, возможно и встречался с ним, но нам об этом доподлинно не известно.

Ещё по дороге к новому дому

Дальше всё произошло быстро и как-то буднично, будто речь шла не о начале новой жизни, а о банальной пересадке с маршрута на маршрут. Тридцать новоиспечённых моряков, нагруженных вещмешками, шинелями и ещё не обношенной формой, под неусыпным взглядом Гайдаржи были организованно загружены в автобус. Никто уже не задавал вопросов — их просто вели, и они шли.

Автобус дёрнулся, заурчал и повёз их через ночной город к железнодорожному вокзалу. За окнами мелькали редкие огни, тёмные силуэты домов, какие-то поздние прохожие. Внутри же было тихо — усталость брала своё.

На вокзале всё прошло без суеты: выгрузка, короткая команда, и уже через несколько минут они сидели в обыкновенной электричке, следующей в сторону Очакова.

— Погоны пришить. Всем, — коротко бросил Гайдаржи, проходя вдоль лавок.

И вагон ожил. Откуда-то появились иголки с нитками, кто-то ругался, не попадая в плотную ткань, кто-то уже ловко стягивал стежки, словно занимался этим всю жизнь. Сквозь усталость прорезалась странная сосредоточенность: каждый понимал — время пацанов закончилось, началось время мужчин.

— Смотри, криво пришьёшь — выебут по помидоры, — буркнул Боуш, глядя на косо пришитый погон на шинели Бахыча.

— Скажу, что ты меня так научил... — тихо огрызнулся тот, стараясь не уколоть палец.

Гражданские попутчики изредка поглядывали на них — кто с интересом, кто с лёгкой усмешкой, кто с каким-то непонятым уважением. В вагоне пахло железной дорогой, новой военной формой и ещё чем-то — едва уловимым, наверное это были остатки запаха гражданской жизни.

Электричка мерно стучала колёсами, убаюкивая. Кто-то задремал прямо с иголкой в руках. Кто-то просто уставился в тёмное окно, где отражалось его же, ещё непривычное новое лицо.

Уже глубокой ночью, когда время перестало ощущаться, взвод спешил на какой-то безлюдной станции. Ни вывесок, ни голосов — только редкие фонари и тишина, в которой звуки шагов казались громче обычного.

Там их уже ждали. Два крытых грузовика, чёрные, глухие, с плотно натянутыми тентами, стояли, словно безмолвные пасти, готовые проглотить очередную партию.

— По машинам! — прозвучала команда.

Залезали молча. Металл под ногами глухо звенел, брезент скрипел, чьи-то плечи упирались в чьи-то спины. Через минуту в кузове стало тесно, тепло и душно. Тент захлопнули. Свет исчез. Двигатели взревели. И колонна тронулась.

Ехали в полной темноте, в плотном, вязком молчании. Только гул мотора, редкие толчки на кочках и дыхание десятков людей рядом.

Кто-то на ощупь нашёл щель в брезенте и приник к ней глазом.

— Нихуяшеньки не видно... — тихо прошептал он. — Темнота одна...

Бахыч сидел, уткнувшись лбом в холодную металлическую дугу, и слушал. Слушал мотор. Слушал, как кто-то рядом посапывает. Слушал собственные мысли, которые впервые за всё это время начали складываться во что-то внятное: назад дороги уже нет.

Прошло, наверное, не более получаса. Вдруг что-то изменилось. Сначала — запах. Свежий, влажный, солёный.

— Море... — кто-то тихо выдохнул.

Потом — остановка. Глухой удар тормозов.

Снаружи послышался скрежет металла, короткие команды, чьи-то шаги по железу. И ещё один звук — новый, незнакомый: низкое урчание, будто где-то рядом дышал большой железный зверь.

Грузовик снова тронулся. Но уже иначе. Медленно. Очень медленно. Передняя часть вдруг накренилась вниз, и все в кузове непроизвольно подались вперёд.

— Опа... — прошептал кто-то.

Машина ползла, словно по наклонной плоскости, и под колёсами уже чувствовался не грунт и не асфальт, а что-то другое — гулкое, металлическое, отдающееся в ноги. Потом — лёгкое покачивание. Едва заметное. Но его невозможно было спутать ни с чем.

— На воду заехали... — тихо сказал Боуш.

— Паром, что ли... — ответил Лёлик.

И в этот момент почти все поняли: их грузовик въехал на судно.

Аппарель за спиной с тяжёлым лязгом поднялась и захлопнулась. Звук был такой, будто отрезали последний путь назад.

Снаружи раздались короткие, отрывистые окрики.

— Швартовы!

— Давай!

— Есть!

Где-то рядом послышался плеск воды. И ещё раз — глубоко, глухо. Судно дрогнуло. И медленно, почти незаметно, начало движение. В темноте кузова никто уже не говорил. Каждый слушал. Как работает двигатель. Как где-то рядом дышит море. Как тихо покачивается железо под ногами. И как вместе с этим покачиванием что-то внутри окончательно отрывается от прежней жизни.

Глава 3

Родной остров

Тот же тяжёлый, режущий ухо скрежет — аппарель медленно опустилась, ударила о причал, и грузовик с будущими рэксами, будто нехотя, выкарабкался наружу из металлического чрева. Колёса глухо прокатились по настилу, машина ещё пару минут лениво выруливала в темноте, словно на ощупь, и наконец замерла.

Мотор захрипел и заглох. Тишина — короткая, густая.

И сразу же, как выстрел, в неё врезался уже до боли знакомый голос Гайдаржи:

— К машине, бегом! В шеренгу по двое становись!

Кто-то сдёрнул тент. В кузов ворвался холодный морской воздух — сырой, солёный, с привкусом ночи и бездонных глубин. Прыжок. И первый шаг по земле, которая ещё чужая, но уже каким-то странным, необъяснимым образом начинает становиться своей. Клочок суши, которому суждено вписаться в память ярче, чем многие другие годы жизни. Маленький остров, затерянный в чёрной воде родного моря, словно оторванный от всего остального мира. В темноте он казался живым. Смотрящим. Ждущим.

Остров «Первомайский» - немного истории

История этого острова началась не случайно — как, впрочем, и у большинства подобных мест.

В 1873 году, готовясь к очередной войне с Османской империей, Александр II высочайшим повелением приказал возвести в районе Очакова укрепление — «для преграждения доступа неприятельскому флоту в Днепро-Бугский лиман». Задача была проста по формулировке, но сложна по исполнению: закрыть врагу путь к внутренним водам любой ценой.

Реализацию поручили выдающемуся военному инженеру — Эдуарду Тотлебену. Именно он предложил решение, одновременно дерзкое и эффективное: построить артиллерийский форт... на искусственном острове.

Проект разрабатывался под руководством Дмитрия Милютина, а местом для строительства выбрали так называемую «блуждающую» песчаную банку у оконечности Кинбурнской отмели — место капризное, нестабильное, но стратегически идеальное.

Осенью 1874 года начались работы. В трёх с половиной километрах от Очакова из воды поднялся насыпной остров. На нём возвели блок-форт с артиллерийской батареей, получившей название «Приморская». Сам остров назвали просто и по-военному точно — «Батарейный». Около тысячи рабочих, день за днём, вбивали в море камень, землю, металл — создавая не просто укрепление, а новый клочок суши.

Война 1877–1878 годов закончилась, но судьба острова только начиналась.

9 августа 1878 года император повелел не разбирать временные укрепления, а наоборот — сохранить их навсегда, постепенно превращая в долговременную оборонительную систему.

Остров начали перестраивать. К 1881 году здесь уже были: причал, склады, около сорока казематов, пороховые погреба и даже железнодорожная ветка. Работы продолжались почти два десятилетия и завершились к 1891 году. Тогда же остров получил новое имя — «Николаевский». Он стал полноценной морской крепостью.

Но парадокс в том, что за всё время своего существования в имперский период остров так ни разу и не вступил в настоящий бой. Ни в русско-турецкую войну, ни позже, в годы Первой мировой, ни германские, ни турецкие корабли не рискнули испытать на себе его огневую мощь. Иногда сама возможность удара оказывается сильнее самого удара.

Новая эпоха принесла новые имена. 1 мая 1920 года остров переименовали в «Остров 1 мая», а позже закрепилось название «Первомайский». В обиходе же его называли проще — «Майский». Так же стали называть и тех, кто здесь служил — «майские».

В 1930-е годы остров вновь усилили: береговую линию залили бетоном, нарастили земляные валы, укрепили казематы — толщина стен достигла двух с половиной метров. Пробурили артезианскую скважину — теперь гарнизон мог существовать автономно.

Остров готовили к войне. И она пришла. В августе 1941 года, после оставления Очакова, часть советских войск отступила на остров. Он оказался под постоянным огнём. Вермахт ежедневно обстреливал и бомбил его — до сотни снарядов в сутки.

К концу сентября остров оказался в глубоком тылу противника. Ситуация стала безвыходной. 22 сентября 1941 года гарнизон был эвакуирован. Остров вновь остался один — израненный, но не сломленный.

Настоящая новая жизнь пришла сюда уже в послевоенное время. В июне 1953 года руководство ГРУ приняло решение создать сеть морских разведывательных пунктов специального назначения.

Один из первых таких пунктов — Шестой морской разведывательный пункт — в марте 1961 года был перебазирован из Севастополя на остров Первомайский. С этого момента остров перестал быть просто крепостью. Он стал оплотом черноморского флота, его хирургическим инструментом, позволяющим решать специфические задачи с задействованием ничтожно малого количества сил и средств.

В августе 1968 года подразделение преобразовали в 17-ю отдельную бригаду разведки Черноморского флота.

По мобилизационному плану бригада считалась приоритетной. До девяноста процентов призывников набирались из Одесской и Николаевской областей. Это позволяло в случае войны быстро развернуть соединение до значительно больших масштабов. По сути, многие служили рядом с домом. Здесь «земляком» считался не просто человек из того же города — а тот, с кем ты ходил в одну школу, бегал по одним дворам, дрался на одних улицах. Хотя были и исключения. Как, например, уже знакомый нам Давид — парень из Новосибирской области, оказавшийся здесь по воле счастливого случая.

В боевых подразделениях служили в основном русские и украинцы. Редко — гагаузы, которых ценили за знание турецкого языка: именно Турция рассматривалась как основная цель в случае большой войны.

В остальных десяти процентах от общей численности бригады были представители многих национальностей и республик, тогда ещё великого и могучего СССР. Но все они служили в подразделениях обеспечения и тыла, и к специальной боевой подготовке никакого отношения не имели.

Кто знает, может быть уже тогда умные головы задумались о том, что не следует учить серьёзным наукам тех, кто может сбежать с «корабля» при первой опасности или удобном случае!?

В апреле 1992 года, уже в новой реальности, на базе бригады была создана украинская часть — Седьмая отдельная бригада специальных операций. Часть офицеров и мичманов отказалась принимать новую присягу и покинула подразделение.

История снова сделала поворот. В декабре 2005 года воинскую часть расформировали. Имуущество распродали. Остров остался без людей. С этого момента его история словно встала на паузу.

Сегодня это место — тень былого величия и военной славы. Разрушенные здания, выбитые окна, пустые казематы. Всё, что имело хоть какую-то ценность, вывезено или уничтожено. Артезианская скважина мертва.

И лишь тоскливое завывание морского ветра в казематах плачет в поисках родственных душ, с которыми было пережито когда-то столько ярких и незабываемых моментов.

Первый шаг

Осенний призыв, в сущности, ничем не отличается от весеннего — с одной, но существенной разницей: помимо всех трудностей, связанных с полным изменением образа жизни, новобранцам приходится противостоять холоду надвигающейся зимы, что ставит их в более жёсткие условия по сравнению с весенним призывом.

Полусонные пассажиры грузовика вывалились из тёмного кузова в такую же тёмную ночь. Первая линия — вылизанная бесконечными приборками дорога, тянущаяся вдоль казематов. Казематы представляют собой мощные сооружения со стенами огромной толщины. Вход в казематы Первой линии осуществляется снаружи: каждое помещение имеет отдельный вход. За Первой линией следует Вторая линия, расположенная внутри казематов и соединённая с Первой тремя проходами.

Казематы сверху полностью засыпаны слоем земли, что обеспечивает дополнительную защиту от возможного артиллерийского обстрела. Основная часть теоретической подготовки проходила именно здесь. Помимо учебных классов, в казематах расположены вспомогательные помещения: склады, караул, баня, спортзал и другие.

Внутренние казематы Второй линии закреплены за отдельными отрядами и используются преимущественно для хранения специального снаряжения, прежде всего водолазного. Здесь же находится небольшая галерея тира — узкий коридор длиной 25 метров, предназначенный для отработки упражнений из короткоствольного оружия и специального вооружения.

Для вновь прибывших новобранцев Первая линия становится местом постоянного размещения на ближайшие полгода. Здесь, в одном из казематов, расположено помещение учебного

взвода. Оно включает два больших каземата с арочными потолками, небольшой предбанник (пост дневального), следующую за ним комнату для верхней одежды (гладильное помещение), а также кладовую, которая одновременно используется как кабинет мичмана — старшины учебного взвода.

В одном кубрике размещена казарма с койками, в другом — учебный класс.

Особенности морской лексики

И снова вынужденная «лирическая» пауза. Уже чувствую на себе критические взгляды прожжённых мореманов, которые непременно скажут: «Как это сухопутное чучело посмело назвать кубрик комнатой?» Да, они совершенно правы. Морской сленг, несмотря на то что обитателей Острова с большой натяжкой можно было бы назвать моряками, присутствовал в бригаде в полной мере.

Назвать, например, пол в помещении «полом», а не «палубой», считалось грубым нарушением и немедленно наказывалось — как правило, бесконечными отжиманиями, о чём будет сказано позже. Это правило распространялось и на множество других предметов и понятий.

Стул — «баночка», кровать — «шконка», платок — «марочка», туалет — «гальюн», столовая — «камбуз», носки — «караси», кладовая — «баталерка», укромное место — «шхера», веник — «голяк», швабра — «машка». И это лишь часть слов, которые будут регулярно встречаться далее.

Концепция учебного взвода

Учебный взвод в боевой части — мера вынужденная. Она продиктована спецификой будущей профессии моряков: сложной, насыщенной по количеству дисциплин и требующей учёта множества практических нюансов. Подготовка в отдельной учебной части («Учебке») в данном случае была признана нецелесообразной — и, на мой взгляд, вполне обоснованно.

Здесь новобранцев обучали только тому, что действительно требовалось в боевых подразделениях — без лишней теории и отвлечённых предметов. Ниже приведён перечень основных дисциплин, которые необходимо было освоить на базовом уровне, с последующей «шлифовкой» уже в ходе службы:

Водолазная подготовка.

Воздушно-десантная подготовка.

Огневая подготовка.

Медицинская подготовка.

Инженерная подготовка (минно-подрывное дело).

Топография.

Тактико-специальная подготовка.

Горная подготовка.

Иностранные армии и вооружение.

Специальная физическая подготовка.

Политическая подготовка.

Наряду с этим обязательными оставались и общевоинские дисциплины: строевая подготовка, а также изучение основных уставов — Дисциплинарного, гарнизонной и караульной службы, строевого и внутренней службы.

Объём подготовки был значительным и требовал постоянного напряжения. При этом в советский период все вопросы обеспечения повседневной жизнедеятельности части или корабля возлагались на личный состав. Это означало, что помимо учебных занятий и службы новобранцы постоянно были задействованы в хозяйственных работах.

В результате режим дня фактически не предусматривал свободного времени. Даже отведённые часы самоподготовки редко использовались по прямому назначению: как правило, они заполнялись выполнением текущих задач, требующих немедленного исполнения.

Азбука первых дней

— Внимание, бойцы! Разбираем свои вещи, заходим в помещение учебного взвода. Вещи складываем в баталерке, там же оставляем верхнюю одежду. В кубрике каждый занимает по коечке. Пять минут на галюн — и всем отбой, — скомандовал Гайдаржи. — Всем всё понятно?

— Так точно, товарищ командир! — браво откликнулся строй.

— Разойдись! — подвёл черту старшина.

Строй медленно начал расплзаться.

— Отставить! — резко выпалил Гайдаржи. — В шеренгу по двое становись!

Молодняк в замешательстве снова собрался в строй.

— Слушайте сюда, юноши. Повторять не буду: с этого момента все мои команды и команды других командиров выполняются только бегом. За любой проёб буду карать нещадно. Наиболее медленные будут выебаны не только отжиманиями, но и приборками в галюне, — чётко, с нажимом проговорил старшина. — Запомните: вы сейчас никто. Вы ещё даже не духи — вы пустое место. А появится ли на этом месте что-либо достойное — зависит от каждого из вас. Разойдись!

На этот раз взвод среагировал быстрее: бойцы сорвались с места и в считанные секунды начали исчезать за дверью своего нового дома. За их движением внимательно наблюдал старшина. Когда дверь уже почти закрылась за последними двумя, снова прозвучал его голос:

— Вы двое! Стоять! Кругом! Ко мне!

Двое «торопыг» поспешили выполнить команду и замерли перед старшиной по стойке смирно. Повисла короткая, тяжёлая пауза.

— Военнослужащий, услышав обращение старшего по званию, немедленно подходит и представляется.

— Так точно, товарищ командир! — вразной ответили новобранцы.

— Матрос Васильев, — первым представился высокий юноша с крупной головой и несколько нескладной фигурой.

— Матрос Никифоров, — следом пробормотал его товарищ.

— Какие, в женскую писю, матросы? — резко оборвал их старшина. — Гордое звание матроса вам ещё предстоит заслужить. Душары недоделанные! До присяги — новобранцы. Команда была «бегом», а вы свои жопы еле волочите.

Хотя придирика была, по сути, формальной, Васильев набрался смелости и, заметно дрожа, попытался оправдаться:

— Там очередь была, товарищ Николай...

— Какой я тебе, нахуй, Николай? — вспыхнул старшина. — Ко мне обращаться только по званию: товарищ старшина первой статьи. Понятно?

— Так точно, товарищ старшина первой статьи!

— За то, что вы медленнее всех выполнили команду «бегом», объявляю вам по одному наряду вне очереди на пост дневального учебного взвода. В наряд заступить немедленно. Приказ понятен?

— А... делать-то что? — тем же дрожащим голосом спросил Никифоров.

— Наряд — это дежурство. Ваша задача — посменно находиться на тумбочке в предбаннике. Если в распоряжение кто-либо заходит, громко подаёте команду: «Товарищ старшина первой статьи, на выход!» Пока обойдёмся этим. Оставление тумбочки без присмотра — это невыебанный залёт, который будет караться жёстко. Поэтому спать можно. Но по очереди. Всё понятно? Выполнять. Бегом.

Никифоров и Васильев наконец скрылись за дверью — чтобы с первых же минут начать знакомство с реальным распорядком военно-морской службы.

Уже через 15–20 минут взвод распределил между собой коечки, разобрался, где находится галюн и умывальник. Новоиспечённые моряки заняли свои места, и усталость быстро взяла своё: сон накрыл их почти мгновенно.

Спите, сынки. Спите крепко, пока есть возможность хоть немного отдохнуть. Потому что уже через несколько часов начнётся непрерывный процесс «перековки» — превращения гражданских пацанов в выносливых, жёстких исполнителей приказа. В тех, кто способен работать сутками, неделями и месяцами — и, если потребуется, без раздумий довести задачу до конца любой ценой.

Глава 4

Даже не духи

Как ни странно, хотя срок службы начинается со дня призыва, полноценными военно-служащими призывники становятся только после принятия Присяги на верность Родине — Союзу Советских Социалистических Республик. Именно после этого у них появляется первое статусное, пусть и неформальное, прозвище — «дух».

Флот сам по себе соткан из традиций. Моряки — люди суеверные. Трудно сказать, когда и какие из этих традиций возникли первыми, однако с уверенностью можно утверждать: как и любой устав, написанный кровью, традиции имеют под собой вполне конкретные основания. За каждой из них стоят реальные события, случаи и ситуации, которые в своё время стали отправной точкой для их закрепления во флотской среде.

Если провести аналогию, то традиции флота — это своего рода прецедентное право в военном исполнении. На первый взгляд многое в них кажется непонятным. Возникают закономерные вопросы: почему именно так, а не иначе? Зачем это вообще нужно? Не является ли это пережитком прошлого? Однако такое восприятие характерно лишь для начального этапа.

Со временем становится ясно, что именно традиции превращают флот в единый организм, способный действовать по общим принципам — особенно в критических ситуациях, где счёт идёт на секунды. Они упрощают взаимодействие между подразделениями, кораблями и частями, позволяя избежать лишних уточнений и согласований, тем самым сокращая время на принятие решений.

Помимо этого, традиции выступают своеобразным цементирующим элементом морского братства, которым каждый моряк дорожит до конца жизни. Наконец, именно они формируют единый подход к оценке происходящего, снимая необходимость каждый раз заново определять: правильно это или нет.

Избавление от иллюзий

Здравствуй, первое утро.

— Взвод, подъём! — в каждую голову спящего, ещё вчерашнего «мамкиного сынка», ворвался зычный бас Гайдаржи.

Раздался глухой шлепок тела о палубу. Источником шума оказался Орех — крупный липованин, который спросонья забыл, что находится не дома в мягкой кровати, а на втором ярусе железной койки казённого заведения.

Остальная братия среагировала вяло: за исключением двух-трёх человек, спрыгнувших с коек, большинство осталось лежать, словно ожидая более мягкого обращения со стороны старшины.

— Я не понял, что за хуйня происходит? — взревел Гайдаржи. — А ну, подъём! Быстро всем! Возле коек становись!

После такой интонации остатки сна улетучились даже у самых стойких любителей поспать. Взвод новобранцев в полном составе, в одних трусах, выстроился перед своими койками.

— Внимание, товарищи матросы, вы свой день начинаете с моего огорчения. Мало того — службу начинаете с залёта. А залёты будут караться без промедления, на месте. Поэтому всем принять упор лёжа. Выполнять!

Молодняк неуверенно распределился между коечками и в центральном проходе. Ещё не привыкшие к нагрузкам пацаны встали в упор на ладони; у многих тела сразу «поплыли», прогнувшись в пояснице. Зрелище было жалким — но, как понимал старшина, вполне исправимым.

— Взвод, отставить упор лёжа. Смирно!

Команда прозвучала резко. По строю прокатилось облегчение: наказание казалось суровым, но пока ещё терпимым.

— Внимание. Сейчас один раз показываю, как нужно отжиматься. Запоминайте. Про ладони забыли — отжимаемся только на кулаках. В зачёт идут только правильные отжимания: без прогибов, без «жоп кверху».

С этими словами Гайдаржи ловко принял упор лёжа. Его тяжёлые кулаки упёрлись костяшками в палубу. Через секунду тело старшины заработало, как механизм: чёткие, ровные движения, без сбоя, без лишнего усилия.

— Десять... двадцать... тридцать... сорок... пятьдесят... — послышался чей-то негромкий счёт.

Казалось, что внутри у него спрятан мотор: движения не замедлялись, дыхание не сбивалось. После пятидесятого отжимания он так же легко, одним рывком, поднялся на ноги.

— Всем всё понятно?

— Так точно, товарищ старшина! — единым хором ответили тридцать голосов.

Взгляд Гайдаржи остановился на невысоком, коренастом матросе — Давиде.

— Давид считает. Все остальные работают под его счёт. Ошибка одного — наказание для всех. Упор лёжа принять. Давид, считаешь до ста.

Шипечки на костях

Отжимания — самый распространённый и, по сути, универсальный вид наказания на острове. Одновременно — одно из основных физических упражнений, наряду с бегом. Можно с уверенностью сказать, что все без исключения — от матросов до офицеров — были в этом деле большими специалистами.

Если не считать призывников, для остального личного состава сто отжиманий считались базовой нормой. Всё, что меньше, воспринималось скорее, как поблажка и применялось лишь в тех случаях, когда начальство было в относительно благодушном настроении и не стремилось жёстко отчитать провинившегося.

Как правило, уже через полгода службы любой матрос мог без остановки выполнить сто и более отжиманий за один подход. Встречались и отдельные «экземпляры», способные делать по двести и даже по триста раз, однако это уже выходило за рамки общей практики.

При этом, когда силы у наказанного заканчивались и он больше не мог выполнять движение, наказание не прекращалось: стояние в упоре лёжа могло продолжаться ещё долго. Час и более — обычная история. И здесь уже работала не столько физика, сколько упорство и способность терпеть.

Допускался только один вариант выполнения — на костяшках кулаков. Первые попытки отжиматься таким способом сопровождались резкой болью, которую трудно передать словами. Практически все в первые минуты сдавались и пытались перейти на ладони. Однако никакие гримасы, стоны и попытки «соскочить» не вызывали сочувствия у отдающих команды. Тем более что каждый из них в своё время прошёл через этот же этап.

В целом рукоприкладство на острове применялось редко. В отдельных случаях могла «пробиваться душа», ещё реже в ход шли «баночки» — в просторечии табуретка. Но это уже относилось к исключениям и отдельным ситуациям.

Отжимания же применялись повсеместно: в любое время суток, в любую погоду, в любом состоянии. Единственное, где их не выполняли караси, — под водой и во время прыжков с парашютом.

Нередко день начинался отжиманиями и ими же заканчивался. Со временем организм адаптировался к такому режиму: постоянная беготня, нагрузка и усталость приводили к парадоксальному эффекту — короткое наказание в упоре лёжа воспринималось как возможность перевести дух, пусть и через боль.

Только костяшки — без перчаток и без поблажек. Особенно тяжело приходилось на начальном этапе: асфальт с крупной крошкой, шероховатый бетон, поверхности с вкраплениями гравия. Всё это буквально вдавливалось в кости. Руки не выдерживали, люди срывались.

Но день за днём ситуация менялась. Длительные стояния в упоре и постоянная нагрузка давали результат: приходила сила, мышцы крепили, а костяшки постепенно грубели. Сначала появлялись небольшие мозоли, затем — плотные наросты.

Уже к началу «карасёвки» у духов формировались характерные уплотнения на кулаках, а к полутора годам службы они превращались в заметные, твёрдые «блямбы». Именно по этим признакам жители Очакова нередко отличали «островских» от других моряков, наивно полагая, что такие руки — результат усиленных занятий рукопашным боем.

Исправлять это заблуждение никто не спешил. Пусть думают, что с такими лучше не спорить.

Утренний моцион

Первое коллективное отжимание прошло предсказуемо плохо. Тела извивались в причудливых формах, задницы то оттопыривались, то вдруг проваливались вниз, гримасы напряжения и боли были на всех без исключения лицах. Шлифовальный станок душ и тел включился и начал набирать обороты...

После окончания отжиманий обессиленные тела были подняты старшиной из упора лёжа и тут же подвергнуты другой тренировке — выполнению команды «Отбой!» и «Подъём!». Может, пятьдесят, а может, и все сто раз взвод раз за разом отбивался в свои коечки, а затем через мгновение вновь выстраивался по стойке смирно между кроватями. Как говорят спортсмены — с количеством приходит и качество. В нашем случае эта теория полностью подтверждалась. Наконец Гайдаржи удовлетворился более-менее дружным и быстрым выполнением его команд.

— Внимание, пятнадцать минут на галюнь, умывание и бритьё, десять минут на заправку коек. После этого все собираются в учебном классе. Разойдись! — дал команду старшина.

Распаренные тела довольно прытко разбежались к своим тумбочкам, схватили мыльнопенные принадлежности и стремглав унеслись в галюнь. Который, кстати сказать, находился за казематами, и, чтобы к нему попасть, нужно было пробежаться по Первой линии, пройти через проходной каземат и через небольшую дверь выйти на противоположную часть острова. В проходном каземате к стене было прикручено восемь или десять умывальников с холодной водой. А так как проход не отапливался вообще, то в особенно холодные зимние дни в задачу дневального входило оттаивание этих кранов: вода в них замерзала напрочь, и умыться не представлялось возможным. Поэтому дневальный брал газетку, поджигал её и открытым пламенем отогревал краны. Можно себе представить, что вода из них лилась, близкая к нулю градусов. При этом матросу нужно было почистить зубы, умыться и побриться, плюс протереть свой торс после зарядки. Несколько раз, в сильную минусовую температуру, «отогревание» не помогало, так как вода замерзала не только в кранах, но и в трубах, в связи с чем старшина снисходительно разрешал протереться снегом и им же почистить зубы...

Возле умывальников образовалась очередь, кое-где в одной раковине удавалось мыться по двое. Моряки перебрасывались короткими фразами. Продолжалось знакомство со своими сослуживцами, подавляющее большинство которых увидели друг друга в первый раз всего

лишь три дня назад. И как бы в дальнейшем у каждого моряка этого учебного взвода ни сложилась служба, в какой бы отряд он ни попал, но именно с новобранцами одного призыва складываются наиболее тесные и дружеские отношения, которые зачастую поддерживаются всю оставшуюся жизнь. И тому есть свои причины, на которых также необходимо остановиться отдельно.

Нарезка военно-морских каст

Срок службы — основной критерий оценки опытности моряка. Он ценится и уважается гораздо выше, чем звание или должность. На флоте нередки случаи, когда молодому лейтенанту после прибытия в часть приходится на деле доказывать какому-нибудь зарвавшемуся «годку», кто в доме хозяин. И не всегда лейтенанту удаётся выйти из этой схватки победителем.

К счастью, на острове действовали другие правила. Отношения между офицерским и матросским составом существенно отличались от принятых на военно-морских кораблях: они были более неформальными, где-то даже дружескими, но при этом не переходили в панибратство. По всей видимости, это объяснялось тем, что офицеры, особенно командиры групп и отрядов, работали наравне с личным составом: спали в тех же палатках, ели из одного котелка, прыгали с парашютом, спускались под воду и вместе с матросами переносили все тяготы, лишения и запредельные физические нагрузки, связанные со службой в спецназе.

Приходя на службу в военно-морской флот, новобранец автоматически попадает в самую низшую группу «пищевой» цепочки. Если условно разделить три года службы на шесть призывов, получится шесть таких групп.

«Дух» — моряк со сроком службы от 0 до 6 месяцев, самая бесправная категория. Духа может «выдрать» каждый: сделать замечание по форме одежды, указать на неправильное передвижение (шагом вместо бега), заставить выполнить какую-нибудь работу вместо себя и прочее. Представители следующих двух групп — «Карась» и «Борзый карась» — нередко пользуются тем, что духи ещё плохо ориентируются в службе, и обрабатывают на них свои будущие командирские навыки. Например, могут заставить их отжиматься, хотя формально такого права у них нет. Как правило, этот период начинается в учебном взводе и там же заканчивается: через шесть месяцев обучения дух распределяется в боевой отряд и переходит в категорию «Карась».

«Карась» — моряк со сроком службы от 0,5 до 1 года, самая низшая категория в боевом отряде. Пережить карасёвку — значит пройти самый сложный этап службы. Без преувеличения можно сказать, что на карасях держатся все бытовые вопросы и значительная часть повседневных задач. Именно они выполняют самую непрестижную работу.

Карася можно распознать за версту: это забитое, уставшее существо, единственное желание которого — спрятаться в какую-нибудь шхеру и посидеть там спокойно несколько минут. У карася практически нет свободного времени, его мнение никого не интересует, а наказывают его постоянно — независимо от расторопности и даже от реальной виновности.

«Борзый карась» — моряк со сроком службы от 1 до 1,5 лет. По сути, такое же бесправное существо, как и «карась», но уже с определёнными полномочиями. Он может руководить карасями в тех случаях, когда более старшим категориям некогда этим заниматься. При этом наказывают «борзого карася» не менее жёстко, чем «карася». Весь этот период, по сути, можно обозначить одним словом — карасёвка. Заканчивается он ровно на середине срока службы, то есть через полтора года после призыва.

Духам, карасям и борзым карасям запрещено очень многое. Например, им нельзя курить. Если кто-то из этой категории будет застигнут с сигаретой — неважно кем, главное, чтобы у «застигнутого» был больший срок службы, — как минимум сотня отжиманий виновнику гарантирована. Курение — табу. Разумеется, караси пытались обходить запрет: шкерились, выставляли «шухер», чтобы тайком, украдкой, урвать за день несколько затяжек. Получалось, но полноценным курением это назвать было сложно.

Представителям этой категории запрещалось передвигаться шагом в одиночку — только бегом. Нельзя было держать руки в карманах. Нельзя было ложиться на кровать в течение дня, в том числе перед заступлением на круглосуточное дежурство. И это лишь часть ограничений.

Духи, караси и борзые караси практически никогда не отпускались в увольнение на берег. Исключения были редкими и, как правило, связаны с приездом родственников. Поэтому одно-два увольнения за первые полтора года службы считались обычным явлением.

«Полторашник» — моряк со сроком службы от 1,5 до 2 лет. Его основная задача — постоянный контроль карасей. Ему уже не положено заниматься «мокрыми» приборками и выполнять другую непрестижную работу. «Полторашник» сопровождает карасей повсюду — как на службе, так и в учебном процессе. Именно он отвечает за качество выполнения задач и применяет меры воздействия в отношении младших.

При этом «полторашник» беспрекословно подчиняется представителям двух более старших категорий: получает от них указания и отчитывается за выполненную работу. Его уже нельзя бить или откровенно унижать, однако словесное давление со стороны старших сохраняется. Вместе с этим ему разрешаются определённые послабления: он может открыто курить и допускать некоторые вольности в ношении формы — например, носить шапку или бескозырку на макушке, загибать бляху и т. п.

Именно эта категория становится камнем преткновения в отношениях между призывами. Причина проста: переход из одной группы в другую происходит буквально за один день. Ещё вчера — братья по несчастью, вместе драящие палубу, а уже сегодня — по разные стороны баррикад. «Полторашник» начинает жёстко давить карасей, загружать их приборками и физическими нагрузками.

Кто-то может спросить: неужели нельзя иначе? Взять и в один момент всё это прекратить? Ответ простой — конечно, можно. Но тогда нужно быть готовым к тому, что вся система начнёт разваливаться. Корабли и подводные лодки не пойдут в море, кубрики и палубы перестанут содержаться в порядке. Флот будет функционировать, но с перебоями — и о каком-либо серьёзном результате говорить уже не придётся.

Есть и ещё один характерный момент. Проходя через бесконечные будни карасёвки, измученный человек постоянно думает о том, как станет «полторашником». Он говорит окружающим, что нынешние старшие перегибают, действуют несправедливо, и обещает, что сам будет поступать иначе — «по уму», даже с пониманием относиться к карасям. Как правило, именно здесь и кроется парадокс: из таких обещаний чаще всего ничего не выходит. Более того, именно из тех, кто больше всех говорит о справедливости нередко формируются самые жёсткие «исполнители», которые затем давят младших ещё сильнее.

«Подгодок» — моряк со сроком службы от 2 до 2,5 лет. Категория более спокойная, уважаемая. Как правило, к этому моменту к человеку уже не возникает серьёзных претензий: он многое знает, умеет и пользуется авторитетом. Всё, что не связано напрямую с боевой подготовкой или обязательными мероприятиями, его практически не касается.

«Подгодки» активно занимаются физической подготовкой, зачастую по индивидуальным программам. Им уже разрешается играть в бильярд, который находится на центральной палубе казармы. Допускаются определённые послабления во внешнем виде — например, ношение неуставного белья. Появляются и преференции в увольнениях: фактически они могут выходить на берег почти каждые выходные. С этого же периода разрешается ношение усов.

«Годок» — моряк со сроком службы от 2,5 до 3 лет. Ключевая фигура в иерархии военно-морского коллектива. Именно «годок» во многом определяет внутреннюю «политику» отдельно взятого подразделения, формирует в нём здоровый (или, наоборот, проблемный) микроклимат. Он несёт ответственность за подготовку личного состава, выполнение распорядка дня и учебного расписания, следит за чистотой в расположении и на закреплённых участках.

«Годок» занимается воспитанием молодёжи и отдаёт указания всем нижестоящим категориям. Командир отряда или группы, как правило, не ставит задачи напрямую карасю или другому младшему — задачи доводятся до «годка», и уже через него обеспечивается их выполнение. Фактически именно «годок» выступает гарантом исполнения любого указания. Командир не тратит силы на непосредственное «воспитание» младших: он лишь указывает «годку» на недостатки, после чего следует неизбежная реакция — дополнительные нагрузки, приборки, отжимания.

«Годку» прощаются многие вольности. Он может позволить себе, например, пропустить зарядку и после подъёма незаметно уйти в баталерку, где есть возможность ещё около часа досмотреть прерванный сон о гражданской жизни.

На этом этапе начинается активная подготовка к демобилизации. Кто-то занимается дембельским альбомом, кто-то приводит в порядок форму, в которой предстоит возвращаться домой.

«Профсоюз» — своеобразная «вишенка на торте». Более распространённое название — «дембель». Это моряк, полностью отслуживший свой срок и ожидающий увольнения. Приказ о его увольнении уже подписан Министром обороны.

Однако и здесь есть свои особенности. Например, наиболее отличившихся и дисциплинированных могли увольнять в первую очередь, тогда как «залётчиков» или проблемных военнослужащих задерживали до последнего. В отдельных случаях такие люди увольнялись позже установленного срока — на месяц, а иногда и дольше.

Таким образом, подводя итог этой краткой ремарке, можно сделать вывод: прочные дружеские отношения между матросами разных сроков службы в период самой службы складывались редко. Исключения, безусловно, встречались — например, когда «годок» брал под своё «крыло» земляка-карася, — но такая защита, как правило, была временной и относительной.

Вся эта система, на первый взгляд грубая и излишне жёсткая, на деле представляла собой отлаженный механизм внутренней организации. Она формировала дисциплину, распределяла ответственность и позволяла поддерживать порядок без постоянного прямого вмешательства командного состава. Каждый проходил через все ступени — от полной бесправности до безграничной неформальной власти, и именно этот путь во многом определял отношение человека к службе и окружающим.

Адаптация одногодок

— Вова, а шо эти приезжие каждое утро будут нам тут портить почистить зубы? — с нарочито одесским говорком обратился Бобёр к своему корешу, с которым умывался в одной раковине.

— Та я думаю, шо у них в следующий раз хватит ума подождать, пока не умоются наиболее ценные члены корабля, — подыграл ему невысокого роста, слегка сутулящийся земляк по кличке Бык.

В соседнем умывальнике тщательно брился здоровый детина деревенской наружности. Это был Орех — родом из большого села под Измаилом, Некрасовки. Как деревенский парень, да ещё и с богатырской фигурой, Орех был из тех, кто сначала даёт в морду, а уже потом разбирается, за что именно. В этот раз ему показалось, что лёгкий ветер «наезда», выпускаемый какой-то городской гопотой, дует как раз в его сторону.

— Слышите вы, «члены», кто вам тут мешает? — сразу с напором обратился к ним Орех, даже не оборачиваясь в поисках поддержки: она ему была не особо нужна.

— Юноша, та шо вы так нервничаете, — невозмутимо парировал Бобёр. — Мой дальний родственник просто хотел сказать, шо ваши ноги пятьдесят пятого размера уже несколько раз наступили ему на любимый мозоль. А так — таки мойтесь себе спокойно и не делайте нам нервы. А то после вас старшине уже будет неинтересно.

Орех на секунду замер, оценивая ситуацию, после чего хмыкнул:

— В следующий раз базар фильтруй, — уже без прежнего запала произнёс он, понимая, что драка как-то сама собой отменяется.

— Пацаны, хорош ругаться, — вмешался Митиш, среднего роста парень с лицом то ли турка, то ли грека. — Тут ещё желающие есть, а времени уже в обрез.

— Вова, таки мы специально ради вас быстро умывались, — не унимался Бобёр, но уже с дружеской интонацией. — Даже не успели высморкаться как следует. И всё это — чтобы уступить вам почётное место.

В той или иной степени, притирка между одногодками происходила всегда, но до серьёзных конфликтов дело, как правило, не доходило. Да, пацаны по старой дворовой привычке «прошупывали» друг друга, мерялись характером, пытались занять своё место и заработать авторитет. Но очень быстро слова становились лишними: жизнь сама расставляла всё по местам.

Тяжёлые будни снимали шелуху с каждого. Становилось ясно, кто чего стоит — без разговоров и лишних понтов. И именно эта жизнь, с её нагрузками и постоянным напряжением, постепенно делала их одним целым — спланивала и учила помогать друг другу тогда, когда это действительно необходимо.

Дисциплина прежде всего!

Взвод помылся, заправил постели и расселся за столами в смежном каземате — учебном классе. Вошёл Гайдаржи. Воцарилась тишина, неизменно сопровождавшая старшину: ни у кого не возникало ни малейшего желания хоть как-то привлечь к себе лишнее внимание.

Сидящие, с заметным напряжением и страхом, уставились на него. Старшина несколько секунд молча разглядывал личный состав, после чего грозным басом вновь вогнал всех в предэнурезное состояние:

— Товарищи гражданские лица, въебать наковальней по вашим пиздакам! Понятно, что вы третий день служите, но элементарное воспитание у вас должно было быть ещё на гражданке! В помещение вошёл ваш командир и старший по званию — быстро подорвали свои жопы!

Взвод мгновенно вскочил по стойке смирно.

— Впредь: при входе в помещение старшего по званию или любого офицера и мичмана вы все подрываетесь по стойке «смирно» и усаживаете свои сральники обратно на баночку только после разрешения. Всем всё понятно?

— Так точно, товарищ командир! — хором ответил взвод.

Гайдаржи впился взглядом в первого попавшегося бойца.

— Фамилия?

Испуганный морячок с угловатыми чертами лица и выпирающими скулами выпучил глаза. Весь его вид говорил: драть его вроде не за что, но мозг уже судорожно искал, где он успел накосячить.

— Галимов, — после паузы ответил он совершенно гражданским голосом.

— Сейчас Галимов напомним нам всем, какой приказ я отдал после тренировки по отбою, — произнёс старшина, не отрывая взгляда от его лица.

— Сходить в туалет, умыться, заправить кровати и собраться в классе, — напрягая память, выдал Галимов.

— Взвод, упор лёжа принять! — проревел Гайдаржи.

Бойцы без разговоров растянулись между столами.

— Отжимаемся пятьдесят раз. Галимов считает.

С трудом, но цифру взяли все.

— Встали!

Взвод поднялся. На многих лицах читалось недоумение — за что именно прилетело.

— Это вам за «туалет» и «кровати» Галимова. Как называется туалет на флоте?

— Гальюн, товарищ старшина.

— Правильно. И учтите: за проёб одного из вас драть будут весь взвод. Практика показала — метод самый эффективный. Прежде чем что-то сказать или сделать, думайте. Потому что за вас могут отгрести ваши же товарищи. За не сделанное или плохо сделанное — тоже будет наказание.

Старшина сделал паузу и добавил:

— Галимов доложил так, как я сказал — чтобы вам было понятно. Но правильно говорить: «отбить шконку». Боец отбивается в шконку — это значит ложится спать по команде «Отбой». А шконка отбивается — потому что её отбивают. В прямом смысле. Повторять не буду. Всем бегом в спальный каземат!

Через несколько секунд класс опустел под гулкий топот тридцати пар ног.

В спальном каземате стояли пятнадцать пар двухъярусных металлических коек, расположенных вдоль сводчатых стен. В центре оставался широкий проход. У торцов каждой кровати — по две баночки, по одной на матроса. И только шконка старшины стояла отдельно, у окна, подчёркивая особый статус её владельца.

— На первый раз прощаю — это по поводу отбивания шконок, — обратился Гайдаржи к строю. — Посмотрите, как вы их «привели в порядок».

Все обернулись. Картина была показательной: ни о каком единообразии речи не шло. Где-то просто накинуто одеяло, где-то торчали простыни, края свисали, подушки лежали как попало, полотенца висели напоказ.

— Бойцы, слушайте внимательно. Даю вам ценный совет, который избавит от лишней ебли. Главный принцип обучения на флоте — «Делай как я». Вас будут учить, показывать, гонять, но главное — смотреть по сторонам. Как делают старослужащие, что можно, что нельзя.

Он кивнул на кровати:

— Только двое из вас попытались сделать как у меня. Похоже, но до идеала далеко. Чьи шконки?

Руки подняли Зина и Громик.

— Поощряетесь поощрительным взглядом, — сухо отметил старшина. — Сейчас покажу один раз. Последний.

Он подошёл к койке, сгреб всё постельное на баночку. Остался один матрас. Быстро натянул простыню — получился ровный, белый прямоугольник. Затем — одеяло, подвороты, выравнивание. Взял баночку, перевернул, поставил на край и, прихватив тапок, начал чётко отбивать края.

Через минуту кровать выглядела как по линейке: строгий прямоугольник, чёткие углы, идеальная геометрия.

— Чья?

— Моя, — тихо сказал Галимов.

— Разобрать постель! Галимов — и все остальные — отбивают койки. Время пошло. За небрежность или проёб по времени — наказан будет весь взвод.

«Старые морские рапаны» без году неделя рванули к своим койкам. Кто-то толкался, кто-то мешал соседу, но все, пытая и молча, пытались повторить только что показанный эталон.

Пройдёт совсем немного времени — и каждый из них будет заправлять шконку так же чётко, как старшина. На этом, пожалуй, стоит остановиться: перечень навыков, которые им предстоит освоить, занял бы не одну главу.

Старшине предстояла тяжёлая работа — вбить в каждую лысую голову основы военноморского быта. Приведение формы в порядок, складывание по уставу, подшивка «слонявчиков», приборка, уборка территории — и ещё десятки мелочей, которые в итоге и составляли значительную часть службы.

Единый для всех

Взвод мирно развалился в каземате учебного класса и за еле слышными разговорами коротал время в ожидании первого похода на камбуз.

— Старшина первой статьи Гайдаржи, на выход! — вдруг раздался довольно уверенный, но ещё немного робкий голос дневального.

После короткой паузы прозвучал чёткий, уже знакомый голос старшины:

— Товарищ капитан первого ранга, учебный взвод готовится к построению для приёма пищи! Происшествий за время вашего отсутствия не случилось! Заместитель командира учебного взвода, старшина первой статьи Гайдаржи!

Послышались неторопливые шаги, и в класс вошёл представительный офицер в идеально сидящей на нём форме. Красавец — с интеллигентным лицом и взглядом прожжённого морского волка. За ним следовал ещё один офицер — крепкого телосложения, с круглым, румяным до красноты лицом. Затем — щуплый мичман среднего возраста, с классическими усами военного моряка. Замыкал процессию Гайдаржи.

— Взвод, смирно! — громыхнул старшина.

Новобранцы вскочили, вытянулись и замерли, с трудом скрывая растерянность.

Нежданные гости молча прошли на середину прохода, остановились и некоторое время внимательно разглядывали желторотое пополнение.

— Здравствуйте, товарищи моряки. Приветствую вас в качестве молодого пополнения одной из лучших боевых частей Краснознамённого Черноморского флота! — наконец произнёс старший офицер. Голос у него был мягкий, но уверенный.

Уставного ответа не последовало. Будущие «рэксы» продолжали молча хлопать слегка испуганными глазами, пока где-то сзади не раздался одинокий голос:

— Здравия желаем...

К нему тут же нестройно присоединились ещё несколько салаг. Получилось что-то вроде робкого блеяния.

Мичман и Гайдаржи мгновенно нахмурились, лица их приняли выражение, не сулившее новобранцам ничего хорошего. На лицах же офицеров, напротив, мелькнули едва заметные улыбки.

— Ничего страшного, — спокойно продолжил старший офицер. — Уверен, что в самое ближайшее время вы будете полностью соответствовать требованиям нашей части. А пока — небольшой ликбез. После приветствия старшего по званию матрос, в соответствии с уставом, отвечает: «Здравия желаю, товарищ...» — и называет звание. В моём случае — «капитан первого ранга». Если отвечает подразделение — делают это все, одновременно и чётко.

Он сделал короткую паузу:

— Давайте попробуем ещё раз. Здравствуйте, товарищи военные моряки!

— Здравия желаем, товарищ капитан первого ранга! — в унисон проревело тридцать голосов.

На этот раз мичман и Гайдаржи едва заметно выдохнули, а старший офицер удовлетворённо кивнул и продолжил.

— Меня зовут Ларин Виктор Семёнович. Я являюсь командиром этой военно-морской части. Моё звание — капитан первого ранга. Садитесь!

Бойцы заняли свои места, и командир продолжил:

— Вам оказана большая честь служить в престижном подразделении, которое называется Отдельный военно-морской спасательный центр Черноморского флота. Поэтому, когда у вас появится возможность направить весточку родным и близким, можете именно так и написать.

Он сделал небольшую паузу.

— Служба предстоит крайне сложная, но интересная. Забегая вперёд скажу: не все из присутствующих попадут в боевые подразделения. Критерием отбора станет успешное завершение обучения в Учебном взводе, которое продлится шесть месяцев. По окончании этого

срока командованием будет принято решение о распределении по отрядам. Всего их в Центре восемь: первые четыре — боевые, остальные — вспомогательные. Кроме того, в состав части входит ряд кораблей обеспечения, куда некоторые из вас также будут направлены.

Командир обвёл взвод взглядом:

— Понимаю, что будет тяжело. Возможно, кто-то примет решение ещё в ходе обучения попроситься в более спокойное подразделение — препятствовать этому никто не будет. Служба в боевом отряде допускается только при наличии осознанного желания, подтверждённого образцовым выполнением обязанностей, прилежным усвоением знаний и умением применять их на практике.

Три десятка пар глаз внимательно смотрели на командира, столько же ушей ловили каждое его слово. В этот момент каждый испытывал к нему уважение, смешанное с лёгким страхом. Без лишних пояснений становилось ясно: перед ними — главный человек на ближайшие три года. Второй после Бога. А может, в отдельных случаях, и его прямой представитель на земле.

Единственным разочарованием оказалось другое: многие шли служить «рэксами-диверсантами», а на деле — спасательный центр. От этого на душе у некоторых стало слегка не по себе, появилось ощущение, что их где-то немного «надули».

— Хочу представить вам командира Учебного взвода, — продолжил Ларин, указав на сопровождающего офицера. — Капитан-лейтенант Иванов. На ближайшие полгода он заменит вам родного отца. Все его приказы выполнять беспрекословно и в срок.

— Старшина Учебного взвода — мичман Наголкин, — командир перевёл взгляд на следующего. — Он отвечает за материально-техническое обеспечение. Его приказы также не обсуждаются.

— Заместитель командира взвода — старшина первой статьи Гайдаржи. Образцовый старшина. Будет находиться с вами днём и ночью. Именно от него во многом зависит успех вашей подготовки. Довожу до вашего сведения: Гайдаржи очень стремится попасть в боевой отряд, но командование рассмотрит его просьбу только после успешного выпуска вашего взвода. Поэтому — не подведите Николая.

Командир сделал короткую паузу и продолжил:

— Как ни странно это прозвучит, но в ближайшие тридцать дней вы будете оставаться гражданскими лицами. В штат бригады... — Ларин на мгновение запнулся. — Прошу прощения, спасательного центра, вы будете зачислены только после принятия Присяги на верность Родине. Таким образом, ближайший месяц будет посвящён изучению уставов, строевой, начальной военной и физической подготовке.

Он слегка повернулся к сопровождающим:

— Обращаюсь к командирам Учебного взвода. Прошу обеспечить плавное вхождение личного состава в учебный процесс. Нагрузку давать постепенно, с учётом адаптации к условиям службы.

— Есть, товарищ командир! — чётко ответил Иванов.

— Да, и на камбузе — на первое время увеличьте бойцам пайку, чтобы компенсировать отсутствие мамкиных пирожков, — добавил Ларин, уже обращаясь к Наголкину.

— Есть, товарищ командир! — ответил мичман, выпрямившись по стойке «смирно».

— Вопросы, товарищи бойцы? — обратился командир к взводу.

Ответа не последовало.

— В таком случае ещё раз поздравляю вас с прибытием и желаю удачной службы.

Командир развернулся и направился к выходу.

— Взвод, смирно! — скомандовал Иванов и последовал за Лариным.

Юнцы и старожилы

Первый приём пищи — или «хавка», как её называют моряки.

Помещение камбуза занимает практически весь первый этаж трёхэтажной казармы. Помимо столовой, в боковой части здания расположился медицинский пункт со штатным офицером-медиком и фельдшером — матросом-срочником. С другой стороны — библиотека и магазин-буфет, или, как его ещё по-доброму называют, «чипок».

Кстати, у этого названия существует две версии происхождения — обе от расшифровки аббревиатуры и обе по-своему правдоподобны. Первая, юмористическая: «чрезвычайная индивидуальная помощь оголодавшим курсантам». Вторая, более серьёзная, уходящая корнями в Красную армию: «часть индивидуального продуктового обеспечения красноармейцев».

Первый выход «в люди». Первые смотрины со стороны старослужащих. Взгляд оценивающий, цепкий: поиск земляков, знакомых, а иногда и дальних родственников.

Учебный взвод с большим трудом, пытаясь держать строй и хоть как-то попадать в ногу, добрался до казармы и расположенного в ней камбуза. Здесь пахло едой — простой, но тёплой — и было по-домашнему уютно.

Сам приём пищи у моряков — процесс, пронизанный строгими, почти ритуальными правилами. Осваивались они, как водится, через собственные ошибки. Здесь всё было регламентировано: от раскладки за столами до порядка использования посуды и даже её «качества» для разных категорий личного состава.

Учебный взвод, как и полагалось самой младшей и бесправной категории, питался во вторую смену — просто потому, что весь личный состав части физически не мог уместиться одновременно. Разделение касалось и командного состава: помимо матросского камбуза существовали ещё три гарсунки. В первой питались мичманы, во второй — офицеры, третья — самая небольшая, но наиболее уютная — предназначалась для командира части и его заместителей. Таких обычно набиралось пять–шесть человек.

Взвод расселся за столами — по шесть человек за каждым — и после коротких наставлений со стороны старшины наконец приступил к приёму пищи.

Меню было предельно простым: перловая каша на воде — по одному бачку на стол. Отдельно, на помятых алюминиевых тарелках, лежал ржаной хлеб, шесть аккуратных цилиндриков сливочного масла и по два куса сахара на каждого. Венцом этого «стола» служил дюралевый чайник, только что снятый с плиты, с тёмной, ещё булькающей жидкостью, лишь отдалённо напоминающей чай.

На этом ассортимент блюд заканчивался.

Взвод ел молча. Жадно. Без разговоров. Как изголодавшиеся псы, которым наконец-то бросили кость. Домашние запасы закончились ещё пару дней назад, и теперь организм, опустевший и требовательный, настойчиво просил заполнить себя хоть чем-нибудь съедобным.

Сквозь металлический звук постукивающих о тарелки ложек, тщательно выскребающих со дна последние остатки клейковидной каши, послышалось неспешное шлёпанье нескольких пар тапочек. На центральном проходе камбуза появилась группка из пяти-шести матросов, явно имевших весомый срок службы. Вели они себя настолько свободно и раскованно, что без всяких слов становилось понятно: глубже этих рапанов уже никто не «ползает», и бояться им здесь совершенно некого. На плечах у многих поблёскивали лычки, что свидетельствовало о принадлежности к младшему командирскому составу.

— Бля, Крыл, посмотри, каких задротов нам прислали, — вымолвил один из новоявленных авторитетов, когда вся группа с видом хозяев жизни остановилась перед столами новобранцев.

— Какие-то взгляды у этих волчат недобрые... того и гляди сейчас бросятся глотки нам грызть, — ответил Крыл после короткого осмотра уставившихся на него лиц.

Сява машинально опустил взгляд в тарелку. Ложка в его руке замерла на полпути. В голове мелькнула короткая, почти детская мысль: «Лишь бы не меня... только бы не сейчас...» — и тут же утонула в гуле чужих голосов.

— Здорово, душары. С прибытием вас на остров под названием «Пизда карасям»! — вставил свои пять копеек крупный детина с выпирающим из-под робы бюстом третьего размера.

Не дождавшись реакции, он продолжил, уже с интонацией властелина:

— Чё это мы не приветствуем старших по званию и сроку службы, бакланы пучеглазые? Коленька, пора начинать уже драть личный состав, а то они хуй знает сколько времени на острове, а ещё не ёбаные!

После этого выпада всем стало ясно: эти люди стоят выше даже старшины. Лысые головы втянулись в плечи, движения замедлились, а сами новобранцы поспешили сделать вид, что сосредоточенно доедают кашу из уже пустых тарелок.

Лёлик поймал себя на том, что скребёт ложкой по голому алюминию, хотя там давно ничего не осталось. Звук резал слух, но остановиться он не мог — казалось, если замереть, взгляд сразу найдёт именно его.

Гайдаржи, хоть и с явным недовольством, молча проглотил эту «пилюлю» и продолжил есть. Его пайка выглядела заметно богаче: масло, сыр, сгущёнка. Эта деталь не ускользнула от глаз новобранцев — и только усилила ощущение, что в этом мире справедливость находится не на первом месте.

— Ша, уважаемые, вы-таки мне мешаете впечатляться, — прервал наезд очередной годок с длинной шевелюрой. — Уважаемые мамзели, хотел поинтересоваться: шо среди вашего колхоза есть кто-нибудь из самого славного города в мире — Одессы? А ну, быстро подорвали свои филейные части!

Поднялись несколько человек.

Бобёр встал автоматически, почти с облегчением — внимание ушло в сторону, и на мгновение стало легче дышать.

— Та ты глянь... ни одной витрины знакомой, — протянул годок. — А ну быстро назвали районы вашего базирования.

— Чубаевка, Пересыпь, Балка, Слободка, — прозвучали ответы.

— Таки в этот раз не послал Бог земли с Бугаёвки... Да и хуй с вами, садитесь. Ещё успеем новости поразговаривать.

— Из Вилково есть кто? — бросил Крыл.

Тишина.

— Из Болграда есть кто?

Поднялся Митиш.

Лицо годка мгновенно оживилось. Он пробрался между столами и крепко обнял его.

— Вот это подарок, Вова! Здорово, земля! Ну, шо там дома?

Митиш на секунду замялся. В груди что-то кольнуло — слишком резко это «дома» выдернуло из текущей реальности. Но он быстро собрался.

— Да нормально всё... Просили передать тебе привет. Оксанка твоя беременная ходит, от Пети Чуха.

Разговор пошёл своим чередом — громкий, грубый, но уже почти тёплый. Остальные слушали молча. Кто-то впервые почувствовал, что здесь можно не только бояться. Кто-то — наоборот, окончательно понял, что чужой здесь навсегда.

— Коля, а что это душары как короли расселись? — вновь бросил Крыл. — Давай, пора уже воспитательным процессом заниматься.

Гайдаржи поднялся. Голос стал холодным и резким:

— Взвод, закончить приём пищи! Выходи строиться перед казармой! Бочковым — убрать со столов!

Новобранцы вскочили мгновенно. Чай остался недопитым.

Первый день на острове продолжался.

Суровый утренний осмотр

Взвод выстроился перед расположением и внимательно слушал стоящего перед ними старшину.

— Внимание, личный состав. Сейчас будет произведён утренний осмотр каждого бойца на предмет наличия непредусмотренных уставом вещей и предметов. Матрос Тарасенко, ко мне!

Из строя вышел перепуганный матрос и остановился перед старшиной.

— Бегом в казарму за обрезом! — но, заметив непонимающий взгляд, Гайдаржи тут же поправился: — Тазик сюда принеси. Быстро.

Меньше чем через минуту Тарас уже стоял перед старшиной с металлической двуручной шайкой.

— Поставил обрез на плац. Снял шапку и выложил в неё всё содержимое карманов.

Тарас немедленно повиновался. Его движения были торопливыми, неровными — пальцы чуть дрожали. Он вывернул карманы и начал складывать содержимое в шапку.

Среди нехитрого набора оказались: расчёска, две катушки ниток с воткнутыми в них иглками, шариковая ручка, пара чудом уцелевших леденцов, складной перочинный нож, коробок спичек, блокнот с торчащей из него трёхрублёвкой и несколько монет мелочью.

Гайдаржи приблизился.

— Это всё?

— Так точно, товарищ старшина! — ответил морячок.

Старшина молча начал проверять карманы — быстро, уверенно, без лишних движений. В одном из карманов его рука нащупала и тут же извлекла носовой платок.

В строю едва заметно напряглись плечи. Несколько человек машинально проверили свои карманы, не двигаясь, — лишь внутренним усилием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.